

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

(От последней из могикан)

«Тропы детства привязчивы, они напрочь врезаются в память и в подходящее время ярко всплывают из тайников души. От них никуда не уйти, никогда не отречься. Да и зачем уходить, отречься! Что за надобность! В том и радость – вдруг воскресить былое, пусть даже оно и отдаёт слезами и горечью. Чем дальше уходим от тех окровавленных войной зорь, тем ещё гуще проступают они на горизонте...»

Мой земляк Владимир Колыхалов. «Когти дьявола»,

Издательство «Красное знамя», г. Томск. Стр. 55.

Что меня порадовало однажды, так это то, что вспомнить и описать эти «окровавленные войной зори» попросил меня мой внучатый племянник, Алик Типсин. Узнав о том, что я пишу эти воспоминания, мои многочисленные родные и даже двоюродные племянники и их дети, что называется, сделали заявку: и мне экземпляр, и мне, и нам. Значит, им это зачем-то надо. Значит, интересно. Значит, не хотят они быть теми Иванами, что не помнят родства. Спасибо вам, ребята. Вам и адресую я этот скромный труд. А посвящаю я его моей матери, вашей бабушке и прабабушке, Типсиной Елене Константиновне.

Меня всегда мучил вопрос, с какого возраста человек начинает запоминать какие-то моменты своей жизни и почему именно эти моменты? И

вот, перечитывая недавно повесть томского писателя Вадима Макшеева "И видеть сны...", я нашла ответ на мой вопрос: "В памяти не оставляют следов иные годы, но остаются порой зарубки от мгновений. Чей-то грустный взгляд, чьи-то последние слова..."

И ещё, взявшись за эту работу, проанализировав свои воспоминания, я пришла к выводу, что есть какая-то закономерность в том, что человек помнит гораздо отчётливее самые экстремальные моменты своей жизни, нежели серые будни.

Самый первый момент моей жизни, помню точно, приходится на август 1942 года. Мне было 2 года и 2 месяца. Тогда мне сильно обожгли ноги. Следы от ожога сохранились у меня до сих пор. Почему именно 42-й год, и почему именно август?

Семья наша жила в деревне Перфилово, Каргасокского района. Деревня была довольно большая, где жили наши многочисленные родственники по линии отца: дедушка Иван и бабушка Салманида, и их дети, то есть мои тети и дяди.

Деревня наша раскинулась на правом, не высоком, но довольно крутом берегу Оби, как раз на том месте, где Обь раздваивалась на два русла. Одно уходило на Тымск, другое – на деревни Карга и Петровка. То русло, что уходило на Каргу, было главным, а то, что уходило на Тымск, вероятно, когда-то было главным, но потом его стало забрасывать песком, и река прорыла себе новое русло, а старое превратилось в то, что называется

протока, или ещё у нас называли старицей. Село Тымск располагалось на правом берегу, как раз посередине этой старицы. Она была довольно глубокая в своей нижней части, и всё лето судоходная. Интересно то, что пароходы, что шли «сверху», то есть из Томска, заходили в Тымск через протоку «с низу». Верхняя её часть к осени мелела так, что в некоторых местах можно было перейти вброд.

И в нашей деревне, и в Тымске грунт был в основном песчаный. Какой бы силы не прошёл дождь, спустя полчаса все улицы уже были сухими и чистыми. Во время весеннего половодья очень сильно рыло берега. В 41-м, когда отец уходил на фронт, до нашего дома оставалось метров 30, и отец очень беспокоился, что дом может просто смыть в реку. Наверное, они с мамой планировали перевезти дом подальше от реки, так делали все, но помешала война. В сентябре 41-го отец ушёл на фронт.

И уже весной 42-го мама решила перевезти дом в Тымск. Именно туда и переезжали все, кому угрожала река. Это было главное село. Там до революции находилась церковь, а в советские времена семилетняя школа, почта и сельский совет. Тогда ещё мой старший брат Петр был дома, ему уже было 17 лет, и его в любое время могли призвать на фронт. Он, да старшая сестра Александра были главными помощниками. Подрастали и два других брата, Фёдор с Геннадием. Им уже было 13 и 14 лет соответственно. По деревенским понятиям это были уже во всю мужики и работники.

Так летом 42-го года дом перевезли в Тымск, и к августу уже был собран сруб, положены пол и потолок, и даже стояли стропила. Мы уже жили в этом доме и продолжали его достраивать. Хорошо помню, что большая часть нашего не богатого скарба ещё находилось на улице: лежали какие-то бочки-кадки, мешки, стулья, столешница от нашего огромного семейного стола, за который усаживалось до 12 человек. Такая у нас на тот момент была семья.

Так как в Тымске по весне берега реки тоже очень сильно рыло, поэтому место для строительства выбрали на самой окраине села, на очень приличном расстоянии от реки, прямо в кедраче. И, когда был сильный ветер, то шишки летели и хлопали нам по голове или спине. Они валялись по всему двору, по огороду.

Тот день я запомнила на всю жизнь, когда вечером старшие сестры развели костёр прямо во дворе и жарили в нем шишки. Галина сидела на не большом чурбачке и держала меня на коленях. Костер уже превратился в сплошные угли, в которых и жарились шишки. Галина решила достать из этих углей шишку. И когда она наклонилась, этот самый чурбачок подвернулся под ней, и я скатилась с её колен ногами прямо в эти раскалённые угли.

Дальше помню картину, как Геннадий, мой старший брат, положил на какую-то бочку столешницу и качал меня на ней. Видимо, я сильно кричала от боли, и он так пытался мне помочь.

Ожог был настолько сильным, что я долго не могла ходить. И очень хорошо помню, как уже зимой меня сажали в подвешенное корыто. Такие были в то время в деревне люльки, в которых росли грудные дети. И вот я должна была там сидеть, а чтобы я не могла вылезти из этого корыта и не ходить по полу, его подвешивали очень высоко. Я наклонялась и заглядывала вниз, и мне казалось, что пол был от меня очень далеко.

Основным лекарством у мамы всегда были два «медикамента» - моча и рыбий жир. Правда, от цыпок было ещё одно лекарство – сметана. В силу нашей катастрофической нищеты, всё лето мы бегали босыми. И потому цыпки были нашей «любимой» болячкой. Помню, какой начинался вой, когда нам троим - мне, Нине и Маргарите (Это уже была дочка моей старшей сестры Александры.) – намазывали ноги этой само сметаной. Щипало невероятно, слёзы текли ручьём, а мама приговаривала: «Вот, говорила вам, не лазьте по грязи, мойте ноги!».

От различных царапин и ранок наилучшим лекарством была моча, Было мне лет десять. Пилили мы со старшей сестрой Валентиной дрова. Пила вырвалась у меня из рук и упала зубцами прямо мне на ногу. Ранка оказалась совсем не большая, поэтому никто значения этой царапине не придал. Но поскольку всё лето мы бегали босиком, в ранку попала грязь, и нога начала сильно болеть. В конце концов, она сильно опухла до самого колена и была сине-багрового цвета. Привезла меня мама в Тымск в больницу. А тогда мы уже жили в Карге. Врачи посмотрели и сказали, что срочно надо везти в

Каргасок в районную больницу на операцию. Нужна ампутация. На что мама ответила: «Резать не дам. Калеку воспитывать не буду». И повезла меня домой.

Вечером поставила ведёрко и приказала всем ночью в туалет не ходить, только в ведёрко. А утром разогрела содержимое до температуры, которую терпела моя больная нога и стала её парить. Сколько таких процедур я прошла, не помню, только ногу мне мама сохранила.

От ожогов самым лучшим средством был рыбий жир. Благо, его всегда было в избытке. Если бы была моя воля, я бы соорудила этому чудодейственному продукту памятник.

На рыбьем жиру готовились все рыбные блюда, мы макали в него кругло сваренную горячую картошечку или хлеб, когда он был. А однажды Александра нечаянно опрокинула на Маргариту чугунок с кипятком. Мама положила на перину большую клеёнку, сделала в ней углубление, налила туда рыбьего жира и положила туда Маргариту. Так и вылечила. Никаких тебе шрамов от ожога не осталось, лишь едва заметное пятнышко на груди, как памятка в назидание.

Когда мой старший брат, Петр, после войны был в Сталинских лагерях под Арзамасом, мама возила ему вместе с вяленой рыбой литрами рыбий жир. И он всегда потом говорил, что в лагере его спас от голодной смерти мамин рыбий жир.

Рыбий жир, кедровые орехи, и все другие натуральные продукты, которые мы употребляли, несмотря на многие голодные военные и послевоенные годы, мы росли, в общем-то, здоровыми детьми. Единственный недуг, которым я страдала, это было воспаление лёгких.

Мама рассказывала, что, когда мне был всего месяц, они с папой в обласке поехали к кому-то в гости в соседнее село, и меня положили в носовую часть обласка. Была непогода, и волны заплёскивались в обласок прямо на меня. Таким образом, я простудилась и в месячном возрасте заболела пневмонией.

Сельский врач, мама называла его «земским», тогда сказал маме, что она у вас будет болеть этой болезнью до 14 лет. Может быть, она переболеет один-два раза, а может десять раз, но обязательно до 14 лет. Так вот, до 14 лет ежегодно, не зависимо от времени года, я регулярно, как по расписанию, болела пневмонией. А в последний, 14-й раз, когда по стечению обстоятельств мы жили в Горьковской области, я переболела двухсторонней, крупозной пневмонией. Тогда я едва осталась жива. Ухаживала за мной моя старшая сестрёнка Нина.

Случилось так, что решили мы с ней покататься по первому льду на пруду, она упала и сильно ударилась головой о мёрзлый берег. Маме мы ничего не сказали, а со временем Нина стала жаловаться на сильные головные боли. Иногда она не могла высидеть в школе до конца уроков, но маме по-прежнему ничего не говорила. И только когда уже боли стали

невыносимыми, она сказала, да и мама сама уже стала замечать, что с Ниной что-то неладное. Вот тогда мы и попали с ней в сельский стационар в селе Глухово, Дивеевского района, тогда Арзамасской области.

Я две недели была без сознания, при температуре далеко за 40 я была на грани жизни и смерти. Нина ночами не отходила от меня. Спала только днём, когда около меня были врачи и медперсонал. А когда я пришла в себя и немного оклемалась, совсем свалилась Нина. Теперь уже я стала ухаживать за ней. Сельские врачи никак не могли установить ей диагноз, и потому отправили её вместе с мамой в Арзамас. Там ей поставили диагноз – менингит.

Подробнее об этом я расскажу ниже. Это ещё один подвиг моей мамы, который не только заслуживает вашего внимания, но является примером высокой, но тихой, без пафосной, не показной материнской жертвенности. А она совершила их не мало.

Лечили меня от пневмонии всегда в больнице. До сих пор слышу какой-то специфический запах сельской больницы, потрескивание горящих дров в топящейся печке, вижу расплывающиеся в глазах от высокой температуры невероятные мифические фигуры на белёной больничной стене; бесконечные уколы, банки, порошки. Помню, что из-за высокой температуры у меня всегда было ужасное отвращение к еде. Мне почему-то во всём ощущался вкус мыла. Можно подумать, что я его когда-то ела и знаю его вкус!? А потому меня буквально качало ветром, когда я выходила из больницы.

Тут уже наступала очередь маминой терапии: рыбий жир и парное молоко. До сих пор обожаю парное молоко. И когда в годы работы в СМИ я попадала на животноводческую ферму, всегда просила доярок дать мне парного молочка. Доярки реагировали на это вопросительно-одобрительным образом и с удовольствием выполняли мою просьбу, говоря при этом: «Да я для Вас руками подою!», и обязательно наливали мне ещё и с собой 3-хлитровую банку.

А можете вы представить себе сейчас, что где-то года до 50-го у нас в деревне не было ни зубных паст, ни зубных порошков, ни зубных щёток? А зубы, особенно у детей, всегда были абсолютно здоровыми. Никто понятия не имел, чтобы у ребёнка заболели зубы. Помню, когда менялись молочные зубы, зашатается зуб, брат завяжет его ниточкой, нитку привяжет к дверной ручке. Сиди и жди. Кто-то, якобы, неожиданно откроет с другой стороны дверь, зуб и вылетит, и повиснет на дверной ручке. Вот так совершенно безболезненно, под общий смех удаляли молочные зубы. Весь секрет здоровых зубов был в том, что чистили мы их кедровыми орехами. Мама за этим строго следила. Утром во время умывания набирали в рот горстку кедровых орехов и тщательно пережёвывали их вместе со скорлупой до образования жидкой кашицы, (В современной косметологии это называют «Скрабами»), затем выплевывали и полоскали рот водой. Так делали и взрослые.

Ещё одним уникальным средством для чистки зубов была лиственничная сера. Её собирали с коры лиственницы, потом топили на печи. Кажется, её отваривали в кипятке. Затем это варево студили и застывшую на поверхности воды серу собирали. Она имела цвет янтаря, прозрачная и, самое главное, была очень вкусная. И мы её жевали, как сейчас жуют жвачки.

И только в 50-е годы, когда Галина, старшая сестра, поехала учиться в Томск, привезла из Томска зубные щётки и зубной порошок, и долго приучала нас к этой «цивильной» процедуре. Меня всегда тошнило до рвоты от этого порошка. Вот так кедровые орехи и рыбий жир творили чудеса.

Поэтому, когда у меня родился сын, я тут же заказала своим родственникам в деревню, прислать мне нашего, деревенского рыбьего жира. Аптечному рыбьему жиру я не доверяла. Это было какое-то гадкое, вонючее зелье. А наш рыбий жир пахучий, сладкий, вкусный. Ребёнок ходил за мной по квартире с ложкой и канючил: «Мама, дай ибий зий».

Кстати, он страдал диатезом до такой степени, что я сшила ему варежки с завязками и надевала ему их на ночь, иначе он расчёсывал щёки и голову до крови. После двух недель употребления нашего деревенского рыбьего жира, на очередном приёме у участкового врача, она удивлённо спросила: «А где ваш диатез?». Я сказала, что вылечили рыбьим жиром. Врач не поверила: «Да быть того не может. Мы, напротив, не прописываем диатезникам обязательный для сибирских детей рыбий жир». «Это ваш медицинский рыбий жир, - ответила я, - а наш деревенский можно».

Считаю, что особую роль в моей жизни сыграл мой старший брат Геннадий, мой крестный. Поскольку я в семье была самой младшенькой, меня все очень любили, но больше всего меня любил он до последних дней своей жизни. Всё моё детство и все воспоминания у меня связаны именно с ним. Он возится с мотором в лодке - я рядом с ним. Он идёт домой весь в мазуте, и я вся чумазая и счастливая иду с ним по деревне. Он научил меня ловить удочкой рыбу. И уже года в четыре я часто одна убегала на реку с удочкой, за что мне сильно попадало от мамы.

Чтобы мама не увидела, что я опять отправилась на рыбалку, я стала прятать удочку на берегу. Но баночку-то с червями надо было взять. И мама меня отлавливала снова. Видимо от того, что всё моё детство было связано с этим братом, я росла пацаном, дралась с мальчишками, не любила платья и все лето ходила в трусах и в майке.

Благодаря этому я придумала, как обмануть маму. Я накапывала червей, насыпала за майку земли, складывала туда червей и удирала на речку. Чтобы мама не узнала, что я опять ходила на рыбалку, добычу отдавала собакам. Не сразу, но постепенно мама раскусила и эту мою хитрость - майка-то была вся чёрная от земли. Поначалу отстирывая майку, она ругалась: «И где это ты её так угвоздала?», а потом догадалась. Но на рыбалку отпускала, только не одну, а с кем-то из старших.

Думаю, мама напрасно беспокоилась, потому что утонуть в нашей протоке было трудно. Берег ровный, пологий, без обрывов. И чем-то всегда

напоминал ручную стиральную доску – следы мелких волн в непогоду. Помню, спустя 18 лет после отъезда из нашей деревни в город, я поехала в журналистскую командировку в Тымск. Сердце замирало от воспоминаний детства, когда я подъезжала к родному селу на катере. И как же стало горько и больно на сердце от увиденного. Тот самый первозданный, песчаный берег, необыкновенной желтизны, похожий на стиральную доску, был искорёжен гусеницами тракторов, песок, перемешанный с мазутом, был чёрного цвета. Весной, в половодье, когда река начнёт снова рыть тымские берега, всю эту грязь унесёт в могучие воды Оби.

Со следами «цивилизации», захлестнувшие наши края, столкнулась я и в селе. Остановилась я у своих родственников. И вдруг вечером услышала какой-то непонятный визг, доносящийся из летней кухни.

-Крыса попала в капкан, - спокойно сказала хозяйка.

-Какая крыса? Откуда она взялась? У нас здесь сроду не было крыс!- удивилась я.

-С комбикормами завезли на баржах,- равнодушно ответила она. И в этом её тоне послышалось мне какое-то безнадежное смирение и покорность сложившимся обстоятельствам.

Когда пошли вынимать из капкана крысу, я обратила внимание на то, что в летней кухне стояла большая современная ванна, наполненная темно-жёлтой жидкостью.

-Это вода из скважины, для домашних нужд, отстаиваем, иначе железа много, - опять равнодушно пояснила она.

- Зачем? А из реки? Мы же всегда пили воду из Оби, - не унималась я.

-Из реки нельзя, она вся отравлена. Даже коровам её пить опасно.

-А как же рыба?

-Рыба пока ещё есть. Адаптировалась. Но вот приготовлю, попробуешь. Она с душком. Бензином отдаёт. Но мы привыкли.

Когда мне было лет пять, брат стал брать меня с собой на рыбалку, на охоту. Мы выезжали на озёра в ночное. Ночью в тишине хорошо было слышно, как в тайге кричали медведи, особенно в сентябре, когда шел плавлёж нашей северной белорыбицы - осетров, нелем, муксунов. Но мне почему-то никогда не было страшно, потому что он всегда был рядом, с ружьём, такой большой и сильный, и он объяснял мне, что в это время медведица отгоняет от себя старшего медвежонка, которому уже исполнился год, и он должен был сам строить себе берлогу на зиму. Она била его и гнала от себя, а тот орал благим матом, так, что в ночной тишине было слышно за несколько километров. Признаюсь честно, было жутковато.

Спала я всегда только рядом с крёстным, летом в пологе на чердаке, мы это называли вышкой, на рыбалке - в балаганчике, который он мигом сооружал из каких-то веток, прутьев, молодого ивняка.

Когда мне было лет 10, в горячую пору ловли плотвы (июнь-июль), эта процедура у нас называлась «плавать ельцов», каждый вечер мы с ним, как два главных кормильца, отправлялись на эту рыбалку. Заготавливали мы этой плотвы на зиму по несколько мешков. Мама терпеть не могла солить нечищенную и не вспоротую рыбу. Поэтому дело это было хлопотное и муторное. А налавливали мы с братом этой плотвы сетью за ночь по 5-6 ведер. Представляете, сколько это было работы!

Возвращались мы с ним утречком домой с рыбалки рано-рано на рассвете. Красота кругом неопиcуемая. На воде ни то, что волн, ряби даже нет. Речка как зеркало. В ней отражается небо, восходящее солнце, кусты и деревья, легкая предутренняя дымка над лесом. Птички поют, табун коней пасётся на берегу.

Брат умел удивительно точно имитировать медвежий голос. Передать это невозможно, тем более на бумаге. Но было так заманчиво и любопытно наблюдать за реакцией животных. На первый же звук, издаваемый братом, вожак, главный жеребец, вскидывает голову, что называется, вострит уши и замирает, вслушиваясь в утреннюю тишину. Брат издаёт новый звук, жеребец начинает вертеть головой. Ещё один звук – и жеребец издаёт едва слышное ржание, на которое уже реагируют остальные лошади. Звук чуть резче и по громче – лошади начинают сбиваться вокруг вожака. И только когда на очередной звук моего брата вожак принимает попытку увести табун в противоположную от нас сторону, брат уже человеческим голосом начинает

успокаивать табун. Вожак снова останавливается, опять вострит уши и, убедившись в безопасности, начинает вместе с табуном щипать траву.

Подъезжаем к деревне, на берегу нас уже ждут сестры, Валентина и Нина, и жена брата, Зоя. Все с коромыслами и с вёдрами – пришли за уловом. Дома нас с братом кормят завтраком, как добытчиков, и мы отправляемся с ним спать на вышку. А все многочисленные домочадцы усаживаются за огромный стол с ножами, и, как на конвейере мини рыбозавода начинается процесс обработки рыбы. Всё это чистится от шелухи, вспарывается, моется и засаливается. А то, что было обработано и засолено вчера, насаживается на проволоки и развешивается в защищённых от солнца местах.

То, что из развешенного ранее уже хорошо подвялилось, укладывается в мешки и на вышку, до зимы. А зимой варится картошечка, подвяленная рыба бросается на несколько минут в кипяток, и готов замечательный обед, в отсутствии хлеба, мяса и других съестных деликатесов. Очень вкусно!

Было мне лет семь, когда брат стал обучать меня ездить на обласке. Посадит в обласок, покажет: обязательно коленками упирайся в борта, весло должно идти ровно, параллельно борту, под обласок не запускай, перевернёшься. Садится сам на пассажирское место и руководит, подсказывает, показывает. Когда освоишь первые навыки надёжно, в очень тихую погоду сажает в обласок одну, сам идёт по берегу, а я еду вдоль берега. Следующая операция - езда по волнам. Обласок надо держать строго перпендикулярно волне. Проводился этот урок в совершенно тихую погоду.

Ждали, когда проедёт какой-то катер или пароход. Волны от них не такие коварные, как от ветра. Затем начинаешь осваивать при настоящих волнах.

Живя в деревне до 15 лет, я совершенно спокойно пользовалась этим видом транспорта. И позднее, бывая в командировках в деревнях, где была река или озеро, я всегда просила дать мне возможность прокатиться на обласке, чем несказанно удивляла сельских жителей. А однажды поехали мы с директором института курортологии Е. Ф. Левицким на съёмки озера с лечебными грязями в предместьях Томска. К нам подъехал на обласке какой-то любопытный местный житель. Я, конечно же, попросила дать мне прокатиться. Евгений Фёдорович в ужасе бросился оттаскивать меня от обласка, умоляя не делать этого.

-Успокойтесь, сказала я, - я же выросла на Оби.

Он был очень удивлён и просто восхищён, когда я спокойно съездила до самой середины этого, довольно, широкого озера

Есть в нашей с братом биографии один очень постыдный момент. Когда мы ещё жили в Тымске, мне было лет пять, мама уехала в Каргу к своей старшей сестре, тёте Поле, а нам строго на строго наказала— ходить одни купаться на реку не смейте! Боялась, как бы кто не утонул. Ну и утонул бы кто, все бы одним ртом было меньше. (Такая вот горькая шутка.)

Но мы, конечно же, не послушались, и все, во главе со старшей на то время Галиной, пошли купаться. Я точно помню, что ввиду невероятной строгости

нашей мамы я выработала свою тактику взаимоотношений с ней. Моим главным оружием стала хитрость.

Зная мамин строгий нрав, все мы старались к её возвращению с работы навести в доме и во дворе идеальный порядок. Но часто бывало так, что мама всё равно находила какие-то недоделки, и тогда начиналась массовая проработка всех подряд, и виновных, и невиновных. Чаще всего этот гнев был напускной, носил, что называется профилактический характер, как в анекдоте про цыгана – прежде чем пошлю за молоком, вначале выпорю на всякий случай, чтобы не пролил. Так и наша мама ругала нас для профилактики.

Чтобы не попасть под горячую руку, я, как только видела её обласок, или слышала её голос, а она всегда, чтобы скоротать дорогу, любила петь, я хватала верёвку и бежала под гору к реке. Там у нас располагался бондарный цех для засольного пункта, где делали огромные корзины для заморозки и транспортировки рыбы. И там всегда было много очень крупной щепы, которой мы топили печь. Я набирала вязанку этой щепы, и ждала, когда мама придёт домой. Иногда вместо щепы я набирала сухой топляк, который тоже великолепно горел. И, если слышала, что мама кого-то ругает, я появлялась перед её очи с этой вязанкой топлива. Тем самым я отвлекала её «гнев» от своих старших сестёр и братьев. Но главное, я получала в награду от мамы: «Вот, посмотрите, лентяйки! Вон она, самая маленькая, а уже помощница. Никогда не сидит без дела. Молодец, доченька!».

И вот в тот день, я первая увидела, что мама возвращается из Карги. Я выскочила из воды, быстренько оделась и сижу на берегу. Ага, схитрила, называется. Волосы-то мокрые.

Мама подъезжает к берегу и начинает: «Ах, вы, волосогрызки, я вам что наказывала? А вот тому, кто не купался, я подарок привезла». И подаёт мне обалденного, пушистого, голубого котёнка. Это оказалась девочка, и я назвала её Муркой. И вот живёт эта Мурка с нами уже много лет. Выросла большая, красивая кошка. Мы уже переехали в Каргу, и я готовлюсь к школе, должна уже пойти во второй класс. А поскольку и мама, и все остальные работали в колхозе, а там денег никаких не платили, то купить к школе все необходимые принадлежности было не на что.

И вот мой любимый брат вызвал меня на улицу, чтобы не слышала мама, и говорит (а он, кстати, был большой не любитель кошек): «Давай мы Мурку сдадим в магазин и купим тебе всё к школе!» Он имел в виду Муркину шкурку. И я, прости меня, Господи, подлая, согласилась. Когда, как и где он «оприходовал» несчастную нашу жертву, я не видела и не знаю. Только всем он сказал, что нашу Мурку задрали собаки, а он, дескать, подобрал её, и, чтобы добро зря не пропадало, снял с неё шкурку, высушил её и вот теперь отнесёт и сдаст в магазин. Тогда принимали. Не зря же было такое, когда кто-то хотел подчеркнуть цену какой-то не дорогой шубы, говорили: «Фи, кошка, драная!». Вот так он купил на вырученные от Мурки деньги мне всё

необходимое для школы. А тайну эту мы сохранили с ним до его и маминой смерти.

Наша мать была удивительным человеком. Абсолютно безграмотная, она самостоятельно выучилась читать и писать. Нет на селе такого дела, которого она не могла делать. Она выдалбливала обласки и корыта, на швейной машинке обшивала всю округу, стяжила телогрейки и ватные брюки, варила мыло, пряла пряжу, вязала носки и варежки, плела рыбацкие сети, шила из собачьих шкур дохи, делала самолосы, ловила рыбу, строила дома, была великолепной стряпухой, косила сено и метала стога, починяла обувь, подшивала валенки и всегда говорила нам: «Нет на земле такого дела, которому нельзя научиться. Ведь это дело делает человек, а я человек, значит, и я могу это делать». И делала, и нас учила.

Каждую субботу она собирала в вёдра чашки, кружки, ложки, вилки, словом всю имеющуюся у нас скудную посуду и отправляла нас на речку. Там мы её с песочком драили до блеска. Я до сих пор учу своих вначале детей, а теперь внушек, приговаривая: "Как учила меня ваша прабабушка Лена, посуда должна скрипеть". Когда жили в Карге, наш дом стоял на самом краю довольно высокого косогора. Мы называли его просто горой. Таскать из Оби воду на эту гору не только для семьи, но для коровы с телёнком зимой, а летом для полива огорода, было наше с сестрами дело.

Уже лет с восьми я умела доить корову. А когда мне было уже 10 лет, уехала мама со старшими сёстрами в тайгу на заготовку кедрового ореха, а

домовничать оставили меня. Да был ещё со мной мой любимый брат Геннадий, поскольку он работал в колхозе и ему нельзя было отлучаться. Моя обязанность была доить утром корову и прогонять её с телёнком на пастбище, варить для нас еду, содержать в чистоте дом. Но самым трудным для меня было чистить и разделывать рыбу, которую приносил брат. А время сбора шишек всегда совпадало с ловлей белорыбицы, то есть нельмы, муксуны. А они ж большие. А как мне хотелось ещё поиграть в куклы, а времени не хватало.

И вот однажды вижу, что мой брат поднимается в гору, а у него на плече возвышается над его головой на богре голова осетра, а хвост тащится по земле. Я как заплакала навзрыд. Брат испугался, думал что-то случилось неладное, спрашивает, что плачешь? А я говорю ему, показывая на осетра, как же я буду его разделывать? Брат расхохотался от души. "Да я сам его разделаю". Взвалил он свою добычу на наш огромный семейный стол, вспорол и вытащил из него целый таз икры. Разделил осетра на куски. Засолили мы их и икру. Но это уже было время, когда хлеба мы ели до сыта.

Сажать, окучивать и копать картошку тоже было нашим делом. Позднее я вспоминая то время, называла маму Макаренко. Она поделила наш огромный огород между нами и устраивала соревнование, кто быстрее и качественнее. Картошку мы сажали только квадратно-гнездовым способом. В каждую лунку клали по четыре картофелины, и не дай, Бог, картофелина ляжет вниз

ростками. Окучивая, нагребали такие кучи, что мне 8-9 -летней казалось, они мне доходили до пояса.

Сейчас каждую весну сажая картошку на своём мичуринском вспоминаю один забавный случай из моего детства. Однажды, мою двоюродную сестру Граньку, молодую девку, абсолютно малограмотную, попросили заменить на время отпуска нашу деревенскую продавщицу. Гранькина мать, моя тетя Дуня, мамина младшая сестра, рано умерла в родах восьмым ребёнком, оставив семерых детей мал-мала меньше. Отец больше не женился, и старшей в доме за хозяйку была Гранька. И, став временно продавщицей, она, видимо, считавшая что продавец - это большое начальство, которому копать картошку "за падло," наняла маму. Мама взяла с собой меня. Когда мы подошли к огороду, там стояла лебеда выше моего роста. Я пробиралась по ней как по кустам, отыскивая гнезда. Но когда мы начали копать, и я, и мама были потрясены величиной клубней. Я тогда говорю маме: "Скажи пожалуйста, зачем ты заставляешь нас полоть на два раза наш огород и насыпать кучи мне до пояса? А картошка-то у нас намного мельче родится." "Копай, -сказала она, - и не разговаривай!"

В обед работников надо было накормить, и мы второй раз были потрясены, теперь уже обилием яств на столе. Помню, что только одних шоколадных конфет стояла целая ваза. Мама на правах тётки понесла Граньку с верхней полки. Высказала ей про лебеду и ни разу за лето не окученную картошку, и про то, чем она будет рассчитываться за растрату, которую наделает за месяц

работы, и объяснила ей популярно, что в магазине это не твоё а государственное, и что за это надо платить. Одним словом, отчихвостила новоиспечённую "интеллигентку" по полной программе и велела самой идти и докапывать картошку. От обеда она отказалась, а я всю дорогу до дома вспоминала эту вазу с шоколадными конфетами.

В очень трудные послевоенные годы, когда жили мы в Карге, допроситься в колхозе лошадь, чтобы привезти дрова или сено, было невозможно. Огромный огород мы копали вручную. Овощей сажали море. Можете себе представить, что картошки мы накапывали до пятисот ведер. Она у нас была и мясом, и хлебом.

Помню очень хорошо, как пошла мама однажды зимой в Петровку, там была колхозная контора, попросить лошадь, чтобы привезти из леса дров. Заходит в кабинет председателя, а там «святая троица» - председатель колхоза, парторг и председатель сельского совета, не стесняясь, в рабочее время пьют водку. Попросила: «Павел Петрович, дай лошадь, дров надо привезти. Фёдор при смерти, а в избе холодина, вода в кадке замерзает». Он поднял стакан с водкой, опрокинул его в рот, а на закуску выдал маме: «Он у тебя ещё год не помрёт». «Что б ты подавился этой водкой!», - сказала она ему и, заплакав, вышла.

Через две недели Федя, мой старший брат, умер. А, спустя много лет, этот самый Павел Петрович, умирая от рака горла, очень сильно мучился и попросил родственников позвать маму. Она пошла. «Прости меня, тётка

Елена. Бог услышал твои слова и наказал меня. Мучаюсь, не могу умереть!». «Бог простит»,- сказала она и ушла. Спустя час он умер. Она умела прощать зло.

Чтобы не унижаться перед начальством, задумала мама обучить нашу корову Маньку ходить в хомуте. Мучилась долго. Вся деревня над ней потешалась. Но она упорно продолжала своё дело. И весной мы наш огромный огород вспахали на корове. Зимой она стала возить на ней и сено, и дрова. Смеяться в деревне перестали. И тоже потихонечку начали обучать своих коров.

Так наша Манька стала настоящей кормилицей во всех отношениях – и молочко давала, и мясо - раз в год приносила телёночка, и работала в буквальном смысле как лошадь.

Наша мама была награждена Орденом «Мать героиня». Этому званию она соответствовала на все сто процентов не только потому, что родила и воспитала нас, 9 детей. Это звание она подтверждала ежечасно на протяжении всей своей не лёгкой доли.

Помню, заболела я в очередной раз пневмонией. Было мне тогда лет девять. Сколько примерно весит ребёнок в таком возрасте? Чтобы увезти меня в больницу в Тымск, лошадь ей опять отказали. И она взвалила меня, теряющую сознание от высокой температуры, на «закорточки» и тащила в больницу 20 километров. И дотащила. А было ей тогда уже почти 50. Ведь она родила меня в 39.

А однажды появилась в нашей деревне какая-то напасть, и врачи объявили карантин. Жили мы тогда в Тымске, там у нас была больница. И нас, малышей, меня, Нину и Риту забрали в больницу, хотя мы были абсолютно здоровы. Мне было года четыре. Возвращается мама с работы, а старшие ей говорят, что нас всех забрали в больницу.

Поместили нас в какую-то палату на втором этаже, и медсестра закрыла дверь на крючок, нас не выпускает. И вдруг мы слышим мамин голос. Мы, конечно, начали орать. Нашу маму в этот момент можно было сравнить только с львицей. Как она кричала и била ногами в эту дверь! Это я никогда не забуду. Сбежались врачи, стали её уговаривать, что эпидемия, и что дома мы можем заболеть. Но она так кричала, и била ногами в эту проклятую дверь, что врачи вынуждены были уступить. Она буквально вырвала нас оттуда.

Как рассказывал мне старший брат Петр, случилось это уже после Победы, в Германии, которую, как вы знаете из истории, союзники поделили на зоны. На границе этих зон стояли только офицеры. (Кстати, В.И. Чуйков, командующий 8-й Гвардейской Армией, в своей книге «Конец третьего Рейха» подтверждает тот факт, что на территории Германии все ответственные поручения возлагались только на офицеров.) И вот в одно из дежурств, ночью, подошла к Пете старенькая немка и стала упрашивать его пропустить её. Дескать, в той части Германии у неё осталась больная дочь с маленькими детьми, и что несёт она им кое-какие продукты. Он отказал ей.

Она пошла, заплакала и стала причитать, что может и твоя мать также где-нибудь печётся о своих детях, а ты, такой жестокий, не понимаешь моего горя. И он сжалился и пропустил её, но строго-настрого наказал, чтобы она успела вернуться во время его дежурства. Бабка успела.

И, возможно, никто бы никогда так и не узнал об этом факте, только через неделю эта бабка снова пришла на этот пост. Но дежурил уже другой офицер, и на все мольбы бабки отвечал отказом. И как последний аргумент бабка выдала: «Какой ты жестокий. Вот тут неделю назад стоял добрый офицер, и он меня пропускал». Бабку арестовали, уточнили, когда это было, и кто стоял на посту. И только благодаря тому, что эта бабка действительно ходила к дочери, а не с каким-то особым «заданием» от неприятеля, военный трибунал не приговорил моего брата к расстрелу, а дал ему 5 лет лагерей, и три года поражения в правах. Отбывал он свой срок в небольшом городке Саров, Горьковской области. Строил он, знаменитый теперь на весь мир, Арзамас-16.

Когда мама узнала, что Петя находится в лагерях, каким-то чудом, где она брала, у кого просила или покупала и на какие деньги, я не знаю, но стала она собирать ему посылки – хорошую вяленую рыбу (осетрину и нельму) и рыбий жир. Но много ли пошлешь в посылке, да и поди знай, достанутся ли они ему? И тогда, эта абсолютно неграмотная женщина, никогда не бывавшая дальше райцентра, решила сама поехать к нему.

Помню, был у нас огромный чемодан из красной фанеры. Собрала она его полнёхонький этой рыбы и рыбьего жира в бутылках и поехала к нему. Как она таскала этот чемодан, одному Богу да ей известно. В то время поезда ходили медленно, надо было сделать несколько пересадок, до Томска на пароходе, от Томска на поездах. Около двух недель добиралась она до Пети. И добралась.

В последующие годы она часто вспоминала эти поездки, а ездила она к нему дважды. Вспоминала, как ходила к нему на свидания с передачами. Передать такую массу продуктов в один раз не разрешали. Поэтому она устроилась у местных жителей на квартиру. Передавала не только продукты, но и деньги. Он был на хорошем счету, да и охранники знали, из какой дали приехала мать, поэтому, видимо, в нарушение всех инструкций, им разрешали и свидания, и передачи. Свидания всегда проходили в присутствии охраны.

Однажды мама стала давать Пете деньги, а охранник говорит: «Нельзя, Вы же только вчера ему передали деньги». Тогда мама уговорила охранника, дескать, я завтра уезжаю, уже купила билет. И охранник сказал: «Ладно, я ничего не видел».

Но билета-то у неё никакого не было, все деньги она отдала Пете, оставила только, чтобы доехать до Горького (Теперь Нижний Новгород). А там, в Горьком, нацепила свой Орден Матери-героини, взяла свою орденскую книжку и в облисполком. Добилась приёма у какого-то чиновника,

рассказала ему всю свою эпопею. Всё-таки, встречались тогда среди этой братии нормальные люди, да и звание Матери героини кое-что значило в то время, только купили маме билет до Томска, продуктов на дорогу и денег дали на билет от Томска до нашей деревни. Таким образом, и добралась она до дома.

Увидели мы своего победителя впервые только в 1953 году. И вот тогда он решил забрать нас – маму, меня и Нину, к себе в Саров. Старшие уже были, что называется, на своих ногах.

Но сразу забрать нас к себе в Саров Петя не мог, город был закрытым с режимом невероятной строгости. Теперь-то нам понятно, почему. Поэтому поселились мы в деревне Большие Лихачи, Дивеевского района (Дивеево – это место жительства знаменитого Серафима Саровского.)

Не могу не остановиться на наших впечатлениях от увиденного там образа и уровня жизни. Представьте себе, 1954 год, 9 лет как закончилась война, 400 километров от Москвы. А наша деревня Карга, откуда мы приехали, была в 10 тысячах километрах от столицы. Но нас там все называли городскими. Мама говорила им: «Да мы город то только мельком видели, мы жили в глухой Сибирской деревне». Но нам никто не верил, и главным аргументом было: «Вы одеваетесь как городские».

А у них повседневной обувью и у детей, и взрослых были лапти, и только по выходным и праздникам женщины носили брезентовые тапочки, а парни – кирзовые сапоги. Одежда женщин состояла из юбки – «татьянкой», длины

ближе к миди, и кофты типа курточки с длинным рукавом из сатина обязательно тёмных тонов, абсолютно одинакового фасона. На голове обязательно белая косынка, которую они почему-то называли «кисейка», вышитая крестиком нитками мулине на заднем уголке.

В праздники и на вечерки молодые девушки одевались точно в такой же наряд, только из сатина светлых тонов. И если у кого-то было платье, да ещё и из штапеля или из шёлка, считалось, что это очень богатая семья. Народ был настолько набожным, что по церковным праздникам, чихая на Конституцию и трудовой кодекс, вся деревня, включая детей, уходила в райцентр Дивеево в церковь. В эти дни в школе на уроках присутствовали только мы с Ниной, да дети наших учителей.

Хлеба в магазинах не продавали, не потому что не было, а потому что его просто не пекли. По воскресеньям мы ходили с мамой в соседнее село Глухово за семь километров на базар, покупали там зерно и потом дома на маленьких жерновах мололи его вручную, и мама пекла хлеб сама. Благо, у нашей хозяйки была русская печь. Наша хозяйка была удивительным экземпляром. У неё не было понятия «чисто-грязно». В одном и том же ведре она могла помыть полы и, слегка ополоснув его, шла доить в него свою козу, а потом кормить из этого же ведра поросёнка.

Но, надо отметить, что народ там был удивительно добрым и отзывчивым. Зная, что у нас нет ни козы, ни коровы, они по праздникам тащили нам всё, что можно было принести - молоко, творог, сметану, яйца, овощи и даже

мясо. Мы уже тогда жили в достатке. Петя, хотя его к нам ни разу не выпустили из этого городка, постоянно нам присылал по почте хорошие деньги. Он работал на стройке и получал очень хорошо. Но на наших односельчан никакие уговоры не действовали. И порой по праздникам у нас стол был на много обильнее, чем в каком-нибудь не очень богатом доме.

Кстати, о лаптях. Я, конечно, их никогда не надевала, а вот мама оценила преимущество этой обуви перед нашими сибирскими валенками. Когда мы зимой ходили в лес за дровами, она всегда обувала лапти и утверждала, что тепло в них ничуть не меньше чем в валенках, что они такие лёгкие, будто идёшь босиком, снег за голяшки не засыпается, а, самое главное, в них ноги не тонули в сугробах, такое ощущение, что у тебя на ногах лыжи.

Вот там то, в этой пристойной глуши и заболела наша Нина. Пролежали они с мамой в Арзамасе в больнице месяца три. В результате лечения менингита у Нины вдруг парализовало всю нижнюю часть тела от поясницы. Врачи вызвали для консультации профессора из Горького. Он осмотрел Нину и вынес приговор: «Она неизлечима, у неё парализация постепенно пойдет вверх, и она через месяц-два умрёт». И тогда мама сказала: «Если так, выписывайте нас, я повезу её домой, пусть она будет похоронена в родной земле». Врачи категорически отказывались, но надо было знать нашу маму, она написала расписку и повезла Нину в Томск. Кстати, надо сказать, что органы здравоохранения сделали всё на высшем уровне – там Нину доставили к поезду в карете «Скорой помощи», на носилках перенесли в

вагон, и точно так же их встретила «Скорая» в Томске и доставила в клинику мединститута. Всё это было сделано без каких-либо просьб мамы.

Здесь мама опять нацепила свой Орден и отправилась на приём к депутату Верховного Совета, тогда профессору медицины. Тот согласился посмотреть Нину. Для консультации он пригласил ещё одного профессора. Они подтвердили диагноз. И когда мама забирала сестру из больницы, какая-то санитарка сказала ей: «Не слушай ты этих профессоров, вези ка ты её в деревню и лечи травами». Так они снова оказались в нашей родной Карге, где тогда жил с семьёй мой брат Геннадий. Не знаю, кто ей подсказал, но мама таскала из леса в мешках содержимое муравьиных куч, запаривала всё это в бочке и сажала туда Нину. И через некоторое время Нина радостно закричала: «Мама, у меня шевелятся пальцы на ногах!»

Наша Нина маленькая была очень хорошенькой. Ей все говорили, что она похожа на актрису Целиковскую. И по характеру она была очень открытым и светлым ребёнком, её в селе очень любили. И когда ей поставили смертельный диагноз, не знаю, каким образом, но дошла до нашего Тымска, где мы раньше учились, весть, что Нина умерла. Так, говорят, что весь Тымск плакал.

А в этом селе в больнице работал молодой врач, ссыльный латыш. С ним была отдельная история. В послевоенные годы к нам в село привезли много ссыльных из Прибалтики.

Была среди них семья, муж с женой, которых, как они рассказывали, в течение нескольких часов забрали и вывезли в Сибирь, а их сын, студент 5-го курса мединститута, в это время был на занятиях и чудом избежал этой ссылки. Через год, он решил съездить в Сибирь, навестить родителей. Соответствующие органы ему разрешили. А когда он собрался из Сибири домой, его не выпустили. Так и остался он в Сибири. Его взяли на работу в наш сельский стационар, и, в виду большой нехватки специалистов, он работал лечащим доктором. Фамилию его не помню, а звали его Юрий Казимирович. Было ему тогда года 22.

И вот, когда он узнал всю историю про Нину, тут же приехал из Тымска в Каргу и попросил маму: «Тётя Лена, дайте мне посмотреть Нину». На что мама возразила: «Что Вы, Юрий Казимирович, Вы молодой человек, а Нина молодая девушка...» Но он настоял: «Я не молодой человек, тетя Лена, я врач. Положите её на живот, я только посмотрю то место, где ей делали уколы». А делали ей их в поясницу, в позвоночник.

Мама послушалась его. Он посмотрел и сел писать рецепт, и сказал: «Это очень редкое лекарство. Но, если вы его достанете, то 1 сентября Нина пойдёт в школу своими ногами».

Вряд ли мама так уж поверила ему, но рецепт отправила письмом в Томск, где тогда уже жили Галина и Валентина. Девчонки добросовестно обошли все аптеки города, но на них там смотрели как на инопланетян.

Когда мама с Ниной уехали в Томск из Арзамаса, я то осталась в деревне, в Горьковской области, одна, доучивалась в 6 классе. Поскольку я была ещё несовершеннолетняя, то, когда я закончила учебный год, Петю выпустили, чтобы он мог меня увезти домой в Сибирь. Ехали мы с ним очень долго, в поезде не было вагона-ресторана, а в крупных городах поезд стоял по 2-3 часа, и мы ходили с ним обедать и ужинать на вокзалы в ресторан. Впервые я тогда попробовала многие блюда, казавшиеся мне, экзотическими. Например, сыр, колбасу, салат, пирожное. А про шпроты и говорить нечего. У нас в деревне никогда рыбак не возьмёт домой рыбку, если она не достигла необходимого стандарта, он обязательно выбросит её назад в воду. Для этого совсем не нужен контроль рыбнадзора. Рыбаки сами заботились о воспроизводстве рыбы. Поэтому я никак не могла понять, зачем кому-то понадобилось губить мальков, когда крупной рыбы предостаточно? Брат терпеливо мне всё разъяснял.

У Пети в Сарове были хорошие знакомые, которые тоже были из Томска и по каким-то обстоятельствам, скорее всего по тем же, что и он, оказались в тех местах, и ни при каких условиях не могли получить возможность съездить в Томск и даже писать. Помните, такая была формулировка «Без права переписки...». И они попросили Петю увезти письмо их родственникам в Томск, передать его и на словах рассказать об их житье-бытье.

Петя пришёл к этим родственникам, его приняли как родного, усадили за стол, и на вопрос, как ему удалось оттуда выехать, он поведал им историю с Ниной и про рецепт рассказал, и что лекарство найти не можем. И вот бывает же Божье провидение! Хозяйка дома оказалась заведующей аптекой. Когда Петя принёс ей рецепт, она вынесла ему два стандарта лекарства и сказала, что в знак глубокой благодарности за всё, что он для них сделал, возьмёт деньги только за один стандарт. Денег у Пети было море, но она не поддавалась ни на какие уговоры. А лекарство это было, ребята, всего-то на всего Витамином Б-12. И стоил один стандарт 600 или 700 рублей. Тогда это были очень приличные деньги, где-то в размере двух месячных зарплат.

Когда мама увозила Нину из Арзамаса, она оставила меня со всем имуществом, которое тогда у нас было – все постельные принадлежности, перина, подушки, одеяла, какая-никакая посуда, наша знаменитая швейная машинка и прочее. И вот меня со всеми этими пожитками погрузили на пароход. Лекарство положили в тот самый чемодан красный фанеры, и девчонки строго на строго мне наказали, сидеть на этом чемодане днём и ночью: «Пусть у тебя украдут всё остальное, а чемодан с лекарством ты должна привезти целым и невредимым». А ехать надо было около четырёх суток. Не помню, как и когда я ходила в туалет, но довезла я не только чемодан, но и всё остальное.

Мама сразу же сообщила Юрию Казимировичу, что лекарство привезли. И он тут же взял в рыбозаводе катер и приехал за Ниной. На носилках

доставили её на берег, погрузили на катер, и увезли в Тымск в больницу. Было это в начале июля. А когда 1 сентября я приехала в Тымск на учёбу в школу, в 7 класс, и первым делом пришла к Нине в больницу, она вышла ко мне навстречу на собственных ногах.

У меня есть родственница, Валя Брагина. Она тогда работала медсестрой в нашей сельской больнице и позднее рассказывала мне, что когда Юрий Казимирович сказал, что завтра Нина должна встать на ноги и сделать первые шаги, целые сутки все жили в страшном волнении и ожидании. Утром весь медперсонал и все больные собрались в коридоре около Нининой палаты, а Юрий Казимирович, никогда не державший в руках папиросы, долго сидел около больничной печки и курил одну папиросу за другой. И когда с его помощью Нина встала и сделала первые шаги, все плакали, включая самого Юрия Казимировича.

Если говорить дилетантско -бытовым языком, то юный доктор предположил, что когда Нине делали проколы в позвоночник, то задели нервы, отвечающие за функции всей нижней части тела, и эти-то нервы атрофировались. И диагноз оказался точным. А при помощи этого самого витамина Б-12 он восстановил функции этих нервов.

В школу, конечно, Юрий Казимирович Нину не пустил, сказал, что годик она должна отдохнуть, посидеть дома. Мои старшие сёстры не зная, как отблагодарить Юрия Казимировича, взяли и написали благодарственное письмо в областную газету «Красное знамя», дескать, вот профессора

списали её на смерть, а простой сельский врач с незаконченным медицинским образованием поставил её на ноги.

Письмо это, конечно же, никто публиковать не стал, но спасибо тому журналисту, которому попало это письмо, только через месяц нашего «великого мага» перевели на работу в детский туберкулёзный санаторий в Тимирязево, т. е. в городок, что за рекой рядом с Томском. Там он и работал до тех пор, пока не вышла полная амнистия для всех ссыльных.

Позднее, уже живя в Латвии, он до последних дней своей жизни переписывался с той самой медсестрой, моей родственницей и всегда вспоминал этот уникальный случай в его медицинской практике.

Мне очень запомнился один случай, когда Юрий Казимирович уже жил в Томске, а Нину сестры забрали к себе в Томск. Таким образом, Юрий Казимирович продолжал её наблюдать как врач. Почему, как и куда мы ехали, не помню. Только помню, были мои сестры, Нина и Юрий Казимирович с нами. Когда вошли в трамвай, мест свободных не было, и Юрий Казимирович попросил какого-то мужчину уступить Нине место. Можете себе представить, какова была реакция этого пассажира, и всех остальных. Тогда Юрий Казимирович сказал очень вежливо: «Я знаю, что делаю. Я врач, а эта девушка моя больная. Ей трудно стоять. Она лишь месяц назад начала ходить своими ногами». Реакция пассажиров была потрясающая. Сразу несколько человек встали, уступая место для Нины.

Когда я сегодня слышу рассуждения о негативном отношении многих прибалтов к нам, россиянам, я не удивляюсь. Ведь чтобы понять их, надо хотя бы ненадолго поставить себя на их место. Представляете, из Прибалтики, где сроду не было зимы, их силой, кого-то может быть и заслуженно, а кого-то совершенно невинных, не нам сейчас судить, привезли в Сибирь, где морозы за 40 – норма, в демисезонных пальтишках, в легкой обуви. И надо отметить, что население наше, на собственной шкуре испытавшее сталинские репрессии, понимало их и относилось к ним очень хорошо. Местные жители, несмотря на собственную нищету, чем могли, помогали – отдавали им телогрейки, полушубки, валенки, брали их в свои избы абсолютно бесплатно на постой. Они не знали, как отблагодарить людей и дарили нашим женщинам очень красивые, вязаные вещи: варежки, носки, шарфы.

Мама рассказывала, что и к сосланным к нам перед войной, волжским немцам тоже относились вполне по-человечески. Они только назывались волжскими, но почти все были из мест, далёких от реки. А надо было как-то выживать. Чем-то кормиться. А чем кормиться в Сибирской нищей деревне, стоящей на реке? Только рыбой, как ловить которую, они понятия не имели. Не умея пользоваться тем самым обласком, не умеющие плавать, многие тонули. Местные мужики брали их собой на рыбалку, обучали ездить на обласках, делать ловушку – сети, фитили, самоловы. Также отдавали им теплые вещи. И я не помню ни одного случая конфронтации местного населения со ссыльными.

Помня войну, мы, дети, иногда позволяли себе непотребное. Ведь многие из нас потеряли на ней своих отцов. Но это дети. Взрослые были мудрее, и нам преподавали уроки этой мудрости. Пришла как-то я из школы со слезами и жалуясь маме, что меня побил Филипп Гельм, немецкий мальчишка. Мама пошла к ним, разбираться. Приходит и говорит мне: «На первый раз прощаю. Но, если узнаю, что ты кого-то из немецких ребят назвала фашистом, будет тебе хорошая порка». Этот урок я запомнила на всю жизнь.

Всех ссыльных прибалтийских детей в школе определяли на класс ниже из-за слабого знания русского языка. Но учились они все очень хорошо. Я училась тогда в четвёртом классе. Никак не могу забыть один случай. Была у нас в классе латышская девочка Велта, сослали её вдвоём с бабушкой. Наверное, по принципу, кто был дома, как и Юрия Казимировича. Им было особенно трудно, мужчин в доме не было. Ходила она в школу в демисезонном пальтишке. А зима в тот год выдалась особенно лютой, морозы доходили до 50 градусов. Велта простыла и заболела воспалением лёгких. Не знаю, по каким причинам в больницу за 20 километров её бабушка не повезла. Видимо, по тем же, что и моя мама таскала меня туда на себе. Одним словом, Велта умерла. А поскольку стояли жуткие морозы, земля промёрзла так, что невозможно было вырыть могилу. И Велта почти месяц лежала в кладовке, пока не потеплело и не выкопали, наконец, могилу. Представьте, себе, в школу мы зимой ходили далеко затемно, учились в две смены, и надо было каждый день проходить мимо избушки, где в кладовке лежит мёртвая Велта, а рядом всё это время живёт её бабушка. Что

испытывала эта женщина, что переживала? Даже мы, дети, чувствовали и понимали всю горечь и несуразность положения. Когда вышла ссыльным амнистия, все наши прибалты вернулись на родину. А вот большинство волжских немцев – остались, и многие по сей день живут в Тымске. Некоторые переехали в Томск, получили высшее образование, занимают высокие посты и являются уважаемыми, известными в нашем городе людьми. Это Александр Карлович Шпетер, генеральный директор ДСК. Мой брат Геннадий работал с его отцом, да простит меня Александр Карлович, его все в деревне звали Карлушкой Шпетер, в одной рыболовецкой бригаде. Владимир Антонович Кнор, генеральный директор речного грузового порта тоже из нашей деревни. Оба избирались депутатами областной Думы. По роду своей работы мне не раз доводилось общаться с ними. И всегда вспоминали мы свое нелёгкое деревенское детство всё-таки с какой-то особенной теплотой.

И я вспоминаю того самого Филиппа Гельм, с которым дрались по дороге в школу. Был он на год старше меня, из тех неуёмных, из которых энергия бьёт ключом. Вечно он собирал нас у кого-то дома, чаще всего у него, устраивал репетиции, готовили какие-то пьески, пляски, одним словом, сельскую самодеятельность, режиссёром которой всегда был гордый на всякие выдумки Филипп. Устраивали концерты и спектакли, на которые с удовольствием собирались и взрослые. Знаю, что позднее он уехал в город. Говорили, что получил высшее образование. Но встретиться больше не довелось.

Так же разбросала нас жизнь с моей закадычной подружкой немкой Викой Рейс. Родители звали её Додик. И мы в школе тоже звали её Додка. До сих пор храню её фотографию. Была ещё в начальных классах у меня подружка Ида Киль. Вместе жили с ней на квартире, когда весной и осенью разливалась Обь. Тоже не знаю как сложилась её судьба.

Всегда вспоминаю смешной случай. Учились мы в 3 классе и проходили по программе Маяковского. Помните строки из его стихотворения "У них мундиры синие и шашки на боку..." ? Кто-то спросил учительницу, а что такое мундиры? Юлия Степановна естественно спросила класс, кто, ребята, знает, что такое мундиры? Была у нас бойкущая девчонка Лилька Корман, тоже немка. Про таких в деревне говорили "На боку дыру верчу". Она тянет руку, вскакивает, трясёт ручонкой, дескать меня спросите, я знаю. Юлия Степановна говорит, ну, Лиля, давай! Лилька вскакивает, счастливая и гордая и громко рапортует: "Мундиры - это картошка, сваренная в кожуре!"

Сохранилась у меня старенькая, с отломанным уголком фотография, на которой все наши ученики Петровской начальной школы и наши учительницы Валентина Ивановна и Юлия Степановна. А между ними латышка Мара Аргалис. Недавно я выложила эту фотографию в "Одноклассниках". Вдруг, думаю, кто-нибудь из наших увидит, узнает себя и откликнется, хотя прошло с тех пор почти 70 лет. Кстати, та самая Лилька Корман на этой фотографии пятая в первом ряду, а рядом с ней, шестая, латышка Анита Марголис, слева от меня, крайняя справа немочка Ира

Кремер. Остался как раз у самого краешка отломанного уголка и тот самый Филипп Гельм и с ним рядом Ваня Гесс. Что называется, полный интернационал. Да, наши деревни были местом ссылки.

Никогда не забуду 5 марта 1953 года. Во время урока кто-то постучал в дверь. Юлия Степановна вышла. А через минуту вернулась и сказала только два слова: "Умер Сталин". Все сразу, как по команде, уронили головы на парты и начался общий плач. Плакали все. И дети ссыльных тоже плакали. Искренне, громко, навзрыд. Я тоже пыталась выдавить слёзы, но их почему-то не было. Мне было. очень стыдно поднять сухие глаза. И я, укрывшись шалью, пыталась смочить глаза слюной. Честное слово, до сих пор не могу забыть это жалкое, постыдное состояние, хотя с позиции сегодняшних лет, наверное, смешное. А тогда было не до смеха. Мы, дети репрессированных родителей, наверное, на каком-то генетическом уровне впитали этот страх. Хотя честно скажу, нас никто никогда не пугал Сталиным. Напротив, это был светлый, всеми обожаемый образ.

Уроков в этот день больше не было, нас всех распустили по домам. Жили мы тогда в четырёх километрах от нашей школы, в деревне Новосёлово, названное так потому, что это был леспромхоз, а они, как известно, образовывались на абсолютно новом месте, в лесу, который отводился для лесозаготовок. Тогда уже мой брат работал в леспромхозе. Не помню, в этот же день, или позднее в Новосёлово собрался митинг. Народу было очень много, так как рабочий день тоже отменили. На высоком столбе повесили

репродуктор, из которого звучали какие-то грустные речи. Потом выступало местное начальство. И тут тоже все плакали, даже мужчины нервно курили, пряча в дыму наворачнувшиеся слёзы.

К сожалению, я знаю достоверно имена и даже отчества только моих дедов по обеим линиям и совсем ничего не знаю о моих прадедах. Так что начну с дедов.

Сколько себя помню, в нашей семье живет легенда о том, что ещё в царские времена, в 18 веке, в Сибирь с Кавказа были сосланы два брата. А причиной их ссылки стал случай, когда какой-то подонок изнасиловал их сестру, и, по закону гор, эти братья убили насильника. Но поскольку они были из очень знатного рода, то их не посадили в тюрьму, а приговорили к ссылке в Сибирь.

Были они одни или с семьями, какую фамилию носили, никто из потомков достоверно не знает. Говорят, что по национальности были они армяне, но каким образом их армянская фамилия превратилась в русскую, судить не берусь. Знаю только, что все Типсины в Томской области считают друг друга родственниками.

Помню случай из собственной практики. Вторым секретарём Колпашевского горкома партии был человек по фамилии Типсин. Я звоню ему по работе и в конце разговора говорю, что моя девичья фамилия тоже Типсина. Он очень оживился и говорит: «Так мы же с вами родственники. Вы от какой ветки?». Я растерялась. говорю: «Не знаю, но моего деда звали

Иван Андреевич». Он так уверенно говорит: «А, так вы от другой ветки. Но все равно мы с вами родственники». Этот разговор ещё раз убедил меня в реальности нашей легенды о двух братьях.

И так, по легенде, привезли этих ссыльных братьев на заимку Широкий Мыс в нескольких километрах от Колпашева. Образно говоря, в чистое поле. Заимка – это место у реки, где ни домов, ни дворов, ни постоянных жителей. Иногда туда заезжали люди порыбачить, покосить сена или за ягодой. Там могла быть рыбацкая избушка. Рыбаки и охотники в те времена в рыбных местах строили такие избушки, в которых в любое время в непогоду мог остановиться любой желающий, скоротать ночь или порыбачить и поохотиться.

Возможно, такая избушка и могла стать для братьев первым жилищем. А может быть они начинали с простого шалаша. Но позднее там, на бывшей заимке, раскинулось большое село, название которого и пошло от фамилии этих братьев, Типсино.

Мои деды по отцу жили в деревне Перфилово, Каргасокского района. Как они там оказались, не знаю. Но полагаю, что по принципу деления семьи. Раньше ведь дети не бежали от родителей. Хозяином в любой семье был отец. И он решал, когда отделить на самостоятельное житьё того или иного сына. Дочери, как говорили раньше – это отрезанный ломоть, выдали замуж, дали приданное и отправили жить в семью жениха-мужа. С сыновьями всё было иначе. Сын женился, привозил жену в дом отца, здесь рождались дети.

Вот почему мои старшие братья и сестры очень дружили по жизни со всеми двоюродными братьями и сестрами, как родные. Потому что детство их прошло в одном доме, под присмотром одной, родной бабушки, на её блинчиках и пирожках, за одним столом, спали на одной русской печке, под общим дедовским полушубком или тулупом. Они даже не задумывались над степенью своего родства.

Мой старший брат Петя рассказывал мне, что за годы Великой Отечественной войны из двух наших многочисленных семейств ушли на фронт 46 двоюродных братьев (Имеется в виду род Сухушиных и род Типсиных). А вернулись десять, израненных, искалеченных, и до последних своих дней они крепко дружили. Когда мой родной брат Петя лежал уже после шестого инсульта (Кстати, диагноз – инсульты, как последствия фронтовых ранений.), в это время скончался другой мой брат, только двоюродный, тоже Петя, тоже фронтовик, мы сочли нужным не говорить об этом брату. Боялись, что он не переживёт.

О том, что мои предки по отцовской линии могли иметь прямое отношение к народам Кавказа, говорят некоторые моменты из жизни бабушки и дедушки.

Например, один из их сыновей, Фёдор Иванович, мой родной дядя, и его сын Михаил, мой двоюродный брат, были поразительно кавказской внешности.

Ещё один интересный момент есть в этой истории. У жены моего деда Ивана Андреевича, то есть моей родной бабушки, было странное, совсем не сибирское имя – Саламанида, которое, скорее всего, может быть характерным для народов Кавказа.

И ещё одно обстоятельство дает основание полагать, что они могли-таки принадлежать к народам Кавказа – мои деды обладали завидным здоровьем и были долгожителями. Иван Андреевич умер в возрасте 100 лет, а бабушка Соломонида в 102 года. Для Сибири такой показатель был не характерен. Причём, их образ жизни и сама смерть обоих никак не соответствуют утверждениям медиков о том, что можно, а чего нельзя делать в жизни.

К примеру, дед сам выращивал табак и до последних дней курил трубку. (Минздрав предупреждает...) И не просто курил, он не выпускал трубку изо рта. Частенько, бывало, бегают по избе, ищет что-то, кричит на бабушку: «Испроязви тебя? Куда же она задевалась?» «Что ты потерял?», - спрашивала бабушка. Дед вынимал трубку изо рта, сплёвывал на пол и кричал: «Да трубка куда-то запропастилась.» «Окстись, батюшка, да она же у тебя в зубах». «Тьфу, испроязви тебя в брюшину!»- кричит дед. Это было его любимое и единственное ругательство.

Эта пара, по рассказам моей мамы, почему-то у меня всегда ассоциировалась с бабушкой и дедушкой Максима Горького.

Бабушка была высокой, статной, красивой женщиной, совершенно потрясающей доброты и спокойного, уравновешенного нрава. Все без

исключения её многочисленные внуки просто обожали бабушку. Кстати, звали мы её все бабонькой.

Дед был, на первый взгляд, полная ей противоположность. Он был среднего роста, худощав, но жилист, черноволосый, кудрявый, носил бороду, невероятно горяч характером.

Мама часто вспоминала один случай, как однажды привезли из райцентра, из Каргаска муку и крупу в 50-тикилограммовых мешках. Бабушка Саламанида взяла под одну руку мешок муки (крупчатки), а под другую подхватила деда Ивана и при всём честном народе, под хохот толпы, утащила в гору до самого дома.

В те времена семьи были большими, детей рожали столько, сколько Бог давал. Правда, при том уровне медицинского обслуживания и смертность детей была довольно высокой. Но всё равно в семье деда Ивана было много детей. Попробую вспомнить всех, кого знаю. Дочери, то есть мои родные тетки по отцу: Харитинья, Екатерина, Ольга, Платонида, Таисья. Сыновья, мои дяди: Хриссан, Евгений (Евдей, мы так его звали), Фёдор, Михаил – мой отец. Отца моего бабушка родила в возрасте, когда уже все детородные функции женщины давно закончились, в 55 лет. Так иногда редко, но бывает. Это признают и врачи. И сегодня известны случаи, когда и в 63 женщины рожают.

Мой отец родился 15 октября 1900 года. А умерла бабушка летом 1947 года. Я это очень хорошо помню. По этим данным я и определила возраст моей бабушки на день её смерти.

По принципу, готовь сани летом, а телегу зимой, моя бабушка Саламанида (Кстати, в селе её звали Салманида, так было проще.) починяла своему внуку Андрюше полушубок. (Это был сын дяди Евдея. Андрюша прошёл всю Великую Отечественную, вернулся с фронта без одной ноги. Я очень хорошо помню, как он сапожничал на одной коленке. Второй ноги у него не было, что называется, под самое не хочу.) Так вот, починяла бабушка этот полушубок, и у неё закончилась нитка в иголке. Она начала вдёргивать новую нитку в иголку (Заметьте – 102 года, без очков вдёргивает нитку в иголку) и упала со стула на пол. У неё случился глубокий, надо полагать, двусторонний инсульт, потому что она всё слышала, понимала, реагировала на речь, но ничего не могла сказать. К тому времени она жила у одной из дочерей, у тетки Таисьи в деревне Казальцево, а мы в это время жили в Тымске. Когда маме сообщили, что её свекровь при смерти, она тут же взяла с собой нашу сестру Валю и поехала в Казальцево. Мама рассказывала потом, когда они с Валею зашли в дом, мама сказала бабушке: - «Ну что же ты лежишь? Не встаёшь! Ведь твоя любимая внучка приехала. Вставай, блины пеки!». И бабушка заплакала. Спустя 10 дней бабушка тихо, спокойно отошла в мир иной. Похоронили её в деревне Карга. Я знаю, где расположена могила моей бабушки. Я бы и сейчас её нашла. Просто сейчас там уже давно

нет нашей деревни Карги, как и десятков других деревень. Но кладбище ещё сохранилось. Последний раз я была на её могиле в 1983 году.

Дед Иван был старше бабушки и умер ещё до войны в возрасте 100 лет. Мама рассказывала так. Как-то говорит дед бабушке: «Истопа-ка, мать, баньку. Однако, я сегодня помирать буду». «Да что ты, старый, Господь с тобой!»- сказала бабушка, но баню затопила. Дед помылся, надел всё чистое, пришёл и лег на кровать. А через некоторое время бабушка стала его будить, чтобы поужинать. А дед мертвый. Вот так же тихо ушёл и наш дед Иван. Похоронен он должно быть тоже в Карге, потому что в Перфилове, где они тогда жили, кругом были заливные луга, и вряд ли там могло быть кладбище. Но этого я точно не знаю.

Из пяти тёток я хорошо помню только тетку Таисью, Старших я просто не застала.

Она вышла замуж за дядю Тараса Трифонова. Жили они в деревне Казальцево. Жили даже в годы войны довольно зажиточно, потому что дядю Тараса на фронт не взяли. Вероятно, у него была броня, как у многих наших деревенских мужиков. Они были рыбаками, а для фронта нужно было много рыбы. Вот они и рыбачили. Организация так и называлась «Гослов».

Хорошо помню, как в годы войны, когда было очень голодно, в самых крайних ситуациях, когда уже не было никакой надежды раздобыть каким-то образом пропитание, мама шла к тетке Таисье, и она всегда нам очень хорошо помогала. Мама никогда не возвращалась от неё с пустыми руками.

Всегда привозила на саночках немного муки, крупы или какой-нибудь рыбы. Мои старшие братья Фёдор и Геннадий были ещё совсем мальчишками, рыбачить и охотиться, путём, не умели. Вот и вынуждена была наша мать просить помощи у своей золовки. И они с дядей Тарасом ей никогда не отказывали.

Помню, как мы с мамой зачем-то ходили зимой пешком в Каргасок и по дороге зашли к ним переночевать. Расстояние от Тымска до Каргаска по зимней дороге более 60 километров, и мы, конечно, не могли его преодолеть в один день. Мне было тогда лет 10. Помню, как радушно нас встретила тетка Таисья. В доме было чисто, тепло, уютно. Потом приехал с рыбалки дядя Тарас, такой огромный, высокий, в собачьем тулупе, и тоже был очень рад нам. А ведь в то время уже давным-давно с нами не было нашего отца, т.е. родного брата тетки Таисьи. Но она до конца своих дней роднилась и с мамой, и с нами, её племянниками.

Прожила тетка Таисия 96 лет. Жила она последние годы в селе Средний Васюган с правнуком. До последних дней сама ходила в магазин и помогала по дому, сама себя во всём обслуживала. Когда ей было 83 года, она одна, самостоятельно прилетела на самолёте в Томск на 80-летие младшего брата Фёдора. Когда ей позвонили и сказали, что встретят её в аэропорту, она сказала: «Ещё чего? Я что маленькая, сама не доеду?» И доехала. Хотя тогда дядя Федя получил новую квартиру на Каштаке, где она никогда не была раньше. Вот тогда я видела её последний раз. Она приходила ко мне в гости,

ночевала у нас, нянчила моего сынишку, Тараса и спросила меня, почему я дала ему такое имя. Ведь её мужа тоже звали Тарас. Я спросила её тогда: «А как Вы ласково называли дядю Тараса?» Она разулыбалась и сказала: «Тара». В свои 83 года она была необычайно красивой, статной, копия своей матери, моей бабушки Саламаниды.

Их сын, Василий Тарасович, как и мой старший брат, Пётр, был на фронте. Он практически прошёл всю войну от начала и до конца. Вернулся с фронта инвалидом. У него были ампутированы пальцы ног, и повреждён один глаз. После войны он со своей женой Клавдией Афанасьевной, она была учительницей младших классов, и двумя дочерьми Ниной и Галей жили в селе Киндал, а потом, в последние годы, в Томске, недалеко от моего брата Пети. Мы все очень дружили семьями. Умер Василий Тарасович в возрасте 83-х лет. Кстати, мои родственники по отцовской линии были долгожителями. Все, кого не зацепил проклятый рак, жили не менее 80 лет. Мой брат Петр тоже умер на 84-м году, сестра Мария – на 87-м.

Родители моей мамы, Сухушины Константин Петрович и Лукерья (Гликерия) Сергеевна, были родом из села Чигара Парабельского района. Колеса по своим журналистским дорогам, мне всегда хотелось побывать в этой деревне, на родине своих дедов и прадедов. И однажды мне повезло, и хорошо, что это случилось весной. Зимой деревни однообразные, не видно под снегом всего разноцветья, нет на улицах ни гусей, ни уток, ни чумазных поросят. Да и люди все укутаны от мороза. То ли дело весной. Вскопанные и

вспаханные огороды испаряют неповторимый запах чернозёма, где-то уже зазеленел батун и озимый чеснок, старушки и старички копаются в этих огородах. К одному из них, с окладистой седой бородой я и подошла. В Сибири люди открытые, приветливые, разговорчивые. И как мне было приятно, что этот дедок вспомнил моих родственников

У моего деда Константина уже была семья и первые дети, когда отец наделил его скромным хозяйством (корова, овца и лошадь). Погрузил всё это мой дед в неводник (большая лодка) и поплыл по течению Оби. В районе деревни Петровка увидел дед на противоположной стороне реки высокий берег и решил остановиться. Здесь первым и обосновался. И назвал свою деревню Каргой, по имени речки Карги, что впадала в Обь, метрах в 150 выше по течению.

И построил дед двухэтажный дом, в расчете на большую семью. А семья у него, действительно, была большая. Сыновья – Емельян, Ефим, Семён, дочери – Пелагея, Елена (мама), Евдокия и Феоктиста, (т. Фина). Это те, что выжили. Многие умирали в детстве.

Мамину родню помню, практически, всю. Наверное, потому что жили они все в деревнях Карга и Петровка. И так:

У дяди Емельяна и его жены тётки Прасковьи было четверо детей – Арсений, Николай, Константин и Зоя.

У дяди Ефима с тётёй Леной (Она была знатной повитухой на всю округу) были сыновья - Степан, Василий (участник ВОВ) и Александр, дочери – Анна (т. Катя Сухушина её дочь), Валентина, Калиса, Феофила.

У дяди Семёна с тётёй Тоней были два сына – Пётр, Юрий и дочь Нина (Серёжа Туников её сын).

Тётя Поля замуж никогда не выходила. У неё от рождения был небольшой дефект, чуть набок был рот, и она всю жизнь по этому поводу комплексовала, хотя женихи сватались. Семья-то была очень богатой. Но она не пошла. Последние годы жила в селе Зоркальцево с моей старшей сестрой Александрой, где и похоронена рядом с моей мамой.

У тётки Дуни с дядей Ефимом (Трифоновых) было три сына – Пётр, Павел и Герман и четыре дочери – Графира, Фея, Римма и Нина. Старший Пётр тоже прошёл всю войну, пришёл весь израненный. Помню, было мне лет двенадцать, как-то приехали мы с мамой к ним в гости по случаю рождения у него двойни, а Петя приехал с рыбалки и начал переодеваться в домашнее. И когда он снял рубашку, меня потрясло увиденное: вся спина его была исполосована шрамами. Мама тогда объяснила мне, что это следы от ранений. Наверное, именно тогда я реально осознала, что такое была война.

У тётки Фины с дядей Петей Ждановых было лишь двое сыновей – Костя и Юрий. Во время войны тётя Fiна получила на дядю Петю похоронку. Она так переживала это известие, что тронулась умом. Запомнилась она мне тем, что приходила она к нам очень часто, тихая, всегда молчаливая, с

опустошёнными глазами, клала на колени подушку, раскладывала на ней карты и гадала. А после войны дядя Петя пришёл живой и здоровый. Но рассудок к ней так и не вернулся. Дядя Петя не оставил её до её последних дней, когда она однажды ранним утром взяла наволочку, положила в неё кирпичи, привязала их себе на шею, села в обласок, выехала на середину реки и перевернула обласок.

У мамы нас было 9 детей: Александра, Пётр, Мария, Фёдор, Геннадий, Галина, Валентина, Нина и я.

У Александры было трое детей. Гена умер совсем маленьким, Маргарита и Наталья.

У Петра тоже трое – Лена от первого брака, Саша и Матвей – инвалид.

У Марии – пятеро. Пётр, Катя первая, утонула в возрасте 2-х лет, Катя вторая, Оля и Михаил (Скирневские).

Фёдор не успел жениться, умер от тяжёлой болезни в возрасте 23- лет.

У Геннадия двое сыновей – Борис (умер совсем маленьким), и Михаил.

У Галины двое- Артур и Роберт. (Черновы)

У Валентины два сына - Вадим и Женя (Твердохлеб).

У Нины один - Андрей (Плешаков). Умер в возрасте 46 лет, от пьянки.

Ну и у меня двое – Тарас и Ириша.

Дед Константин, мамин отец, был человеком мягким, но трудоголиком, и всех детей приучил к труду. По крайней мере, в канун революции он был очень зажиточным хозяином. Как говорила мама, у них было «сто скотин рогатого», и почти столько же лошадей. Сыновья, уже, будучи женатыми, ещё долго жили вместе с родителями. В семье был заведён такой порядок: мужчины занимались охотой и рыбалкой, а у женщин (снохи и незамужние дочери) был, говоря современным языком, вахтовый метод. Одну неделю две из них работали на кухне, готовили еду, стряпали хлеб. Две - доили коров и перерабатывали молоко на масло, творог, сметану. Две - топили баню, стирали бельё. За скотом ухаживали мужчины, они же подвозили с лугов сено, заготовливали и привозили дрова. И не было между ними никаких распрей, никто ничего не делил, никто не судился из-за наследства, ибо главным судьёй и законом в семье, справедливым и непререкаемым, был отец.

Помню, в Карге, на окраине леса, была поляна, по литературному это называется «елань», соток в 300. Даже в годы моего детства она не зарастала лесом. В деревне все называли её «Константиново поле». Оказывается, это мой дед с сыновьями выкорчевал весь лес, распахал целик и долгие годы выращивал там овёс для своих лошадей.

Каждый год, два раза за зиму, пока на реках сохранялся лёд, дед с сыновьями водил в Томск обозы, гружёные мясом, маслом, рыбой, чёрной икрой, кожами, кедровым орехом, словом, тем, что производили и добывали

в своём натуральном хозяйстве. Из Томска везли муку, крупы, сахар, ткани, одежду, соль. Всё самое необходимое для жизни в деревне. И даже для дочерей красивую городскую обувь, одежду и золотые украшения. Это хорошо видно на старых фотографиях. На них мои тётки из глухой сибирской деревни выглядят вполне светскими барышнями.

В семье деда Константина был чётко определённый порядок. Никто не садился за стол вперёд деда, и никто не начинал есть, не перекрестившись. В пять часов был обязателен, как говорила мама, «вечёрный» чай с шаньгами и пирогами. Дед был очень набожный, и поэтому строго настроено соблюдал все церковные праздники. Жадный до любой работы, дед категорически запрещал работать в праздники. Однажды, в Петров день, в разгар сенокосной страды, он нарушил это правило. Стояла очень сухая погода, пересыхала кошенина, и дед сказал, что надо убрать сено. Всей семьёй выехали на луга. И когда домётывали последний стог, откуда не возьмись, налетела туча, началась гроза, и удар молнии попал в один из стогов. Одним словом, сгорели почти все стога. С тех пор дед зарёкся больше работать в праздники. Хотите, верьте, хотите, нет. Но моя мама никогда не врала и не любила тех, кто этим грешил.

А. Гессен в своей книге «Во глубине Сибирских руд» о декабристах пишет: *«В Сибири никогда не было крепостного права, и потому сибирский крестьянин резко отличался по своему самостоятельному характеру от российского крестьянина. Для него декабрист не был*

«барин» в том смысле, в каком это понятие определялось в то время для крестьян России».

А. Гессен, «Во глубине Сибирских руд», издательство «Детская литература», Москва, 1969 год.

В своей хронике конца 20-х годов «Кануны» замечательный русский писатель Василий Белов пишет: **«...Нельзя стричь всю страну под одну гребёнку. Одно дело Сибирь, например, другое дело наша губерния. У нас, если у крестьянина три коровы да лошадь, мы его прямиком в кулаки. А там? Там с тремя коровами он самый натуральный бедняк».** В. Белов, «Кануны», изд-во «Молодая гвардия», 1988 год. Стр.298.

Вот и считался мой дед по отцу, Иван, имеющий не трёх, а шесть коров, бедняком. А у деда Константина их было сто, да столько же лошадей.

Однако, никаких посторонних работников у деда Константина никогда не было. Вообще в наших краях, так называемых, батраков ни у кого не было. Жил, по рассказам мамы, у них какой-то ссыльный Яша, так дед его считал за сына и без него за стол не садился. Одевал его, обувал, кормил. За что Яша «отплатил» ему тем, что как только узнал, что произошла революция, прихватил дедов обласок (долблёная лодочка на два человека) и удрал ночью. Больше его никто никогда не видел.

Тем не менее, когда началось раскулачивание, всё нажитое у деда отобрали. Когда пришли представители новой власти забирать имущество,

дед забаррикадировался с сыновьями в амбаре и ждал их с ружьём в руках, за что и поплатился: он и ещё двое его старших сыновей Емельян и Ефим отсидели по нескольку лет в лагерях. Дядя Ефим вернулся с искалеченной ногой (она у него не сгибалась) и с одним глазом.

Мой отец – Типсин Михаил Иванович (15 октября 1900 г.) по мнению его тёщи, моей бабушки Лукерьи, считался очень бедным. Поэтому она категорически запрещала моей маме гулять с бедным парнем. Но мама и папа очень любили друг друга, и однажды мама, говоря её словами, «бёгом убежала» с отцом. Собрала узелок с самым необходимым, выбралась через окошко, а папа уже ждал её под горой в обласке, и увёз её в Перфилово, где они тогда жили.

А когда через неделю они приехали просить родительского благословления, то целый час стояли на коленях, а бабушка Лукерья бегала по комнатам своего большого дома и стучала посохом по полу, пока, наконец, дед не уговорил её взять икону и благословить детей. Это было в 1920 году, когда уже три года по стране гуляла Советская власть. Мама с отцом ещё и венчались в Тымской церкви.

Не знаю, где и сколько учился мой отец, но судя по тому, что он работал управляющим «Потребсоюза» всего Тымского куста, то, значит, он был человеком грамотным по тем временам. Мама всегда гордилась тем, что все в округе очень уважали его и звали только по имени отчеству.

Помню, в доме у нас долго хранилась чёрная кожаная папка, на обложке которой был тесненный портрет Сталина. Это была деловая папка отца. В годы войны, а я очень чётко помню это время, я часто брала эту папку, поглаживала этот портрет, целовала его и говорила: «Это мой папа». Эта папка олицетворяла мне моего отца. О Сталине я в свои 3-5 лет, конечно же, ничего не понимала тогда. А по отцу очень скучала, хотя я его совсем не помнила. Его взяли на фронт, когда мне был ровно год. И когда 9 мая 1945 года сказали, что закончилась война, я прибежала домой, на полу лежала перина, и я кувыркалась на ней и кричала: «Папа скоро приедет. Папа приедет». А папы в то время, как мы узнали только в 63-м году, уже год как не было в живых. Он умер в лагерях. Но это отдельная история. Об этом я расскажу чуть позднее.

Отец был человеком мягким, очень добрым, видимо в свою мать, бабушку Саламаниду. Мама, напротив, была женщиной крутой и очень строгой, видимо в свою мать, бабушку Лукерью.

Она рассказывала, что часто бывало так, что она начинала, что называется, «пилить» его за что-нибудь, а он, молча, делал своё дело. К примеру, сапожничал. Слушает, слушает её ворчание, потом бросит об пол то, что починял, и уйдёт на улицу, что-нибудь делает по хозяйству. А через некоторое время придёт и спрашивает: «Ну, что, успокоилась?». Никогда ни в чём ей не перечил, и не ввязывался в перепалку.

Отец очень хорошо играл на гармошке. Поэтому на всех свадьбах и именинах он был первый гость. Возвращаются из гостей домой, он первым делом просит поесть. Мама говорит: «Ты что там не наелся?». А он отвечает: «А когда бы я там ел, я же играл на гармошке». Так что из гостей он всегда возвращался «трезвым и голодным».

По рассказам дяди Феди, брата моего отца, (Кстати, он похоронен рядом с мамой в селе Зоркальцево) в годы гражданской войны они с моим отцом в боевых действиях не участвовали, но тем, кто воевал против Колчака, оказывали помощь, возили для них продукты в лес. Доказательством того было то, что дядя Федя был почетным участником революции и пользовался всеми льготами до конца своих дней. Так вот, когда в 33-м году моего отца арестовали, в числе других обвинений ему предъявили, что якобы в гражданскую войну он поставлял продукты колчаковцам. Основная же статья обвинения гласила – антисоветская пропаганда с целью свержения Советской власти – 58-я статья, прим. – 10.

Хотя в истории Сталинских репрессий основным страшным годом значится 37-й год, в наших сибирских краях уже в 33-ем во всю свирепствовали НКВД-шники. Они проезжали на катере по селам и пачками забирали наших сельских мужиков. Оставшиеся мужики смекнули, и, как только из-за мыса показывался катер НКВД, они убегали в лес. Энкаведешники поняли это и стали приезжать ночью. Тогда наши мужики стали по очереди дежурить. И как только слышали стук мотора их катера,

быстро оповещали всех. Но и тут энкаведешники нашли способ – они, подъезжая к селу, за несколько сот метров выключали мотор и сплавлялись до села на вёслах.

В одну из таких осенних ночей они и забрали моего отца. История его ареста вся в имеющемся у нас деле отца.

Дали моему отцу 5 лет лагерей без права переписки. И вот тут я должна рассказать вам великую тайну для многих из нашей семьи. Пусть простит меня моя мать, но я считаю, что она совершила подвиг.

Когда посадили отца, а это было в сентябре 1933года, мама была на 9-м месяце беременности седьмым ребёнком, и в октябре она родила Валу. Остальные дети были мал мала меньше. Это и в деле отца написано: старшей Александре было 12 лет, Петру -11 и т.д. Говорят же «Пришла беда – отвори ворота». Только забрали отца, в одну из ночей какие-то подонки выкопали огород и увезли всю картошку. Даже в страшном сне трудно представить такую ситуацию. Как-то надо было жить, поднимать детей.

Но дело в том, что «дедушка» Сталин заботился о демографической ситуации в стране, мужиков-то всех пересажали, да перестреляли. Вот уж не знаю, на региональном уровне или по всей стране действовал Указ, выплачивать женщинам, родившим седьмого ребёнка, по 5 тысяч рублей, как одноразовое пособие... А это по тем временам была очень приличная сумма. Что и помогло в какой-то мере в 33-м году моей матери не умереть с голоду вместе с детьми. А вот за восьмого и последующих детей уже выплачивали

по 10 тысяч. И вот тогда, чтобы сохранить имеющихся у неё семерых детей, мама решила родить 8-го ребёнка. Надо тут заметить, что мама очень любила отца, и ни о какой измене не могло быть и речи, хотя уже четыре года она ничего не знала об отце, ни сколько ему дали, ни где он отбывал срок. Приговор-то был – без права переписки.

Был у нас в деревне дядя Миша. Фамилию не называю умышленно, хотя и знаю. И как поётся в той песне, «Только знает ночь туманная, как поладили они». Но в июле 38-го года родила мама Нину и получила за неё 10 тысяч. А два месяца спустя, кто-то маме сказал, что видели отца в Каргаске. Там жила его родная сестра, к которой он и заехал, возвращаясь из лагерей. Та, конечно, доложила отцу о 8-ом ребёнке. Оскорблённый отец решил домой не возвращаться.

Узнав об этом, мама собралась и отправилась в Каргасок. Отец встретил её спокойно, без упрёков. А вечером моя тётка стала стелить постели матери и отцу отдельно. Но мама настояла, чтобы та постелила им вместе. Вот тут, по её словам, она и «взяла его в оборот». Рассказала ему о своём унижении и позоре, ведь вся деревня осуждала её, и почему она пошла на это, и за счёт чего остались живы его семеро детей.

Утром отец собрался и вместе с мамой приехал домой. Старшая наша сестра Александра, да простит она меня, из желания угодить любимому отцу, взяла запелёнатую Нину с родительской кровати и небрежно, почти бросила на пол. Отец, который никогда не тронул ни одного ребёнка даже пальцем,

подошёл к ней, дал ей такую пощёчину, что она отлетела к порогу, и сказал: «Я ей судья. А тебе вон Бог, а вон порог». И показал ей на дверь. И как рассказывали мне старшие братья и сёстры, что больше всех в семье отец любил именно Нину.

Долгие годы, по крайней мере, для меня, это было тайной. Помню, когда было мне года три-четыре, играла я с соседской девочкой, а её мать и говорит мне: «А ты знаешь, что ваша Нинка не ваша?». Вот уж, воистину, поганый бабий язык, надо же было ляпнуть такое ребёнку! Я в рёв. Иду и на всю деревню плачу. А мы в это время уже переехали из Перфилова в Тымск, и мама со всеми детьми раскорчёвывали землю под огород. Огромное бревно подсовывали под пень и таким образом раскачивали его. Для детей забава, а для матери великое дело. Мама спрашивает меня, что случилось? Я говорю: «А тетя Нюра сказала, что Нинка не наша». Моя абсолютно безграмотная мама была великим педагогом. Она сказала мне: «А чья же она? Посмотри, все дети работают, а ты ходишь по деревне и слушаешь всякие сплетни. Давай-ка тоже работай». И взяла меня к себе на колени, раскачивать дальше пень.

Уже в 90-е годы в одной из моих передач на телевидении принимал участие работник Томского КГБ. Я попросила его помочь мне познакомиться с делом моего отца. И получила официальное на то разрешение. История знакомства с делом отца один к одному напомнила мне историю из фильма «Любовь с привилегиями». Так же отдельная комната, в которой стоит один

стол, стул, вешалка для пальто, пепельница на столе и телефон на тумбочке. Не было только видеокамеры. Поэтому на протяжении всего времени знакомства с делом ко мне в комнату периодически заглядывал «товарищ» в штатском. На мой вопрос, «почему», сказал: «У нас бывают случаи, когда человеку становится плохо».

Когда я закончила читать дело, он поинтересовался моим мнением. Я сказала, что ж, из дела получается, что мой отец справедливо был осуждён. На что он возразил: «Разве Вы не поняли, что Вашего отца били, выбивали из него показания. Ведь с каждым новым допросом он нес абсолютную чушь, оговаривая себя».

И в самом деле, был в одном из допросов такой момент, когда отец рассказывает следователю, как они, якобы, изготавливали значки для членов своей подпольной организации. И я поняла. Ага, в глухой сибирской деревне, где не было даже кузни, они могли изготовить какие-то значки? Полнейший бред. А ведь всё это на полном серьёзе пришито к делу.

Как потом рассказывал маме отец, попадались среди сталинских сатрапов и нормальные люди. Хотя, как сказать нормальные? Но не нам их судить, мы не были в их шкуре. Так вот, руководитель той самой «тройки», что вершили человеческие судьбы, хорошо знал моего отца. Он попросил двух других членов «тройки» выйти ненадолго из кабинета. И когда те вышли, он сказал моему отцу: «Михаил Иванович, прошу тебя, подпиши признание. Подпишешь, получишь пять лет, не подпишешь, тебя расстреляют. А ведь у

тебя семеро детей осталось. Погибнут дети». И отец подписал. И действительно получил 5 лет, отсидел и вернулся.

В 41-м году, когда началась война, отец был призван на фронт. Но поскольку он был суждён в 33-м, и у него ещё оставались годы «поражения в правах», попал он в штрафной батальон. А «позор» штрафники, как вы знаете, «смывали» только кровью, то есть, ранением. В одном из боёв в 42-м году отец был ранен в ногу. В результате чего у него не сгибалась нога, и он был комиссован и направлен в трудовую армию в Новосибирскую область, где возглавлял бригаду рыбаков. А уже в 43-м году он снова попал в сталинскую мясорубку и якобы за антисоветскую пропаганду, как написано в его деле, был осуждён по статье 58-10, часть 2 к 10 годам лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией личного имущества. Из этого «личного имущества» в 2013-м нам вернули фотографии всей нашей семьи, которые отец, вероятно, взял с собой, уходя на фронт. Но об этом мы узнали только 20 лет спустя.

Читаю сегодня Василия Гроссмана, он пишет, что осуждённых по этой статье в лагерях не было. Так рассказывали бывшие заключённые. Значит, этих людей просто расстреливали. **«Многие тысячи (заключённых), попав во внутреннюю тюрьму, исчезали навсегда. Прокуратура сообщала родным, что эти люди осуждены на десять лет без права переписки, но заключённых с такими приговорами в лагерях не было. Десять лет без**

права переписки, видимо, означало: расстрелян». (В. Гроссман. «Жизнь и судьба». Том 2. Стр. 293.)

У нас был официальный документ из военкомата, что отец пропал без вести. Надо сказать, что мама очень долго надеялась, что он живой, может где-то попал в плен, что он обязательно найдётся, вернётся домой. Порой в минуты отчаяния от голода, нужды и безысходности она горько плакала и причитала, обращаясь к нему, дескать, вот ты где-то там живёшь, а я тут одна с ними мучаюсь. Но с годами эта её надежда таяла, и, со временем, она смирилась.

Узнали мы о второй судимости отца совершенно случайно. Когда в 1963 году я поступала в университет, я написала в автобиографии, что отец погиб на фронте. А тогда по закону детям погибших фронтовиков стипендию выплачивали даже при тройках. У меня при поступлении была одна тройка, но я шла вне конкурса как стажница. И куратор группы мне велела принести копию похоронки. А мы к тому времени уже где-то при переезде её давно за ненадобностью потеряли. И мне сказали, что надо пойти в военкомат, и там выдадут дубликат.

И вот когда мама пришла в военкомат за этой похоронкой, ей там и сказали: «А он у Вас не на фронте погиб. Он умер в лагерях, в Итатке, что рядом с Томском».

И по первой, и по второй судимости он реабилитирован полностью за отсутствием состава преступления.

И только в 2013 году благодаря моему племяннику Саше Типсину, работнику ФСБ, удалось узнать, что действительно, в ночь с 18-го на 19-е февраля 1944 года мой отец был расстрелян.

Остановись здесь и задумайся! Попытайся хоть на миг представить себя на месте твоего родственника! Кем он тебе приходится? Дедом? Прадедом? Прапрадедом? 43 года, в полном расцвете сил! Хотел ли он жить? Один, в неведении, а, главное, ни в чём не повинный?! За что?

Позднее мне выдали похоронку, что он умер 19 февраля 1944 года от тифа и якобы похоронен в Прикульском ОЛП НКВД. Я абсолютно не помню моего отца. Мне был год, когда он ушёл на фронт. Но каждый раз, когда я читаю эту похоронку, я плачу, будто я снова и снова уже в который раз хороню своего отца.

Мы так и не узнали, где находится его могила. ОЛП, как мне разъяснили в КГБ, это *отдельный лесозаготовительный пункт*. Проще говоря, лесная деляна, где заключённые заготавливали древесину. Я скрупулёзно просмотрела все карты Томской области и Томского района, все энциклопедии и справочники, и нигде не нашла населённого пункта с названием Прикульск. Поэтому моя старшая сестра Александра поехала в Итатку, чтобы набрать земли с того кладбища, где хоронили заключённых. Наивные, мы полагали, что это было так. Местные жители сказали сестре:

«Что ты, милая, их никто не хоронил. Их полуживых, умирающих от тифа, ещё стонущих от боли, бульдозером спихивали в болото.

И сразу вспоминаются строки из повести В. Макшеева "И видеть сны..." *Мёртвых на подводе к Кокосовой горе возили. Свалят там, а сверху горячий кокс с вагонеток... Под этим терриконом покоятся останки шести тысяч военнопленных и гражданских лиц..."*

Но так делали фашисты в Прибалтике в годы Великой Отечественной. А это - наши соотечественники, здесь в Сибири, под Томском.

Набрала сестра земли из этого болота, привезла и высыпала на мамину могилу. А к 100-летию со дня рождения мамы мы поставили нашим родителям один общий памятник в селе Зоркальцево, где похоронена мама, и теперь на этом памятнике начертаны имена обоих моих родителей. При желании ты сможешь съездить и поклониться праху твоих предков.

То, что выпало на долю моей матери, описать, так не хватит бумаги. В 41-м забрали на фронт отца, а в 42-м старший сын, Петр, памятуя, что он сын врага народа, боясь, что его не возьмут на фронт, восемнадцатилетним, пошёл добровольцем, и его взяли. Кстати, он мне потом рассказывал, что так "схитрили" многие мальчишки, его сверстники, у которых отцы числились в списках "врагов народа".

Работоспособных в семье, остались только двое – мама и старшая дочь, Александра, которая к тому времени уже была замужем и у неё была дочь,

Маргарита, моя ровесница. Так как мужа Александры тоже забрали на фронт, то она с ребёнком пришла жить к нам. И всё осталось на своих местах: двое работающих на 10 ртов.

Сказать «работающих» на то время, это ничего не сказать. Потому что работали они обе в колхозе, а в колхозе в те времена денег не платили, ставили только галочки в ведомостях для учёта количества трудодней. Если по каким-то причинам человек не выходил на работу, о больничных тогда и речи не было, то в ведомости вычёркивалось ровно столько галочек, сколько дней человек отсутствовал. Но разницы-то никакой не было: не важно, сколько у тебя было этих галочек, Получали-то все одинаково в конце года - ноль рублей, ноль-ноль копеек.

Никогда не забуду, это было уже далеко после войны, году в 49-м или 50-м, когда в канун Нового года пришла мама с общеколхозного итогового собрания и принесла в мешочке килограммов пять очень серой муки. Поставила она мешочек, а сама упала на стол и залилась горячими слезами с причётами. Это была её оплата за год работы в колхозе, этим нужно было кормить нас целый год, А нас тогда ещё было у неё на руках как минимум пятеро.

Поэтому после колхозной работы надо было искать другой источник пропитания. Спасала нас швейная машина-кормилица, ножная, мощная, типа ЗИНГЕР, но отечественного производства, ПГМЗ называлась – Полтавский государственный механический завод. Эту машину подарил ей папа в 31-

году, на рождение шестого ребёнка, Галины. Видите, как радовались в семье даже шестому ребёнку. А сегодня и одного иногда выбрасывают на помойку. Мама хорошо шила одна на всю округу. Надо сказать, что обучилась она этому ремеслу совершенно самостоятельно, по каким-то журналам мод. Я их хорошо помню. Модели были рисованные, фотографий не было, за то были чертежи выкроек.

Несмотря на очень низкий уровень жизни всего населения, заказов было много. Это были в основном телогрейки и такие же стёганые на вате брюки. У нас их называли стёганки. Морозы у нас в низовье Оби бывали и до 50-ти градусов, а никаких активированных дней никогда не было, и никто никогда не объявлял нам, что сегодня в школу можно не ходить. А тем более мужикам надо было ежедневно смотреть самолёты, возить сено, дрова и прочее. Поэтому надевали мужики телогрейки и стёганки, а сверху дохи из собачьих шкур и отправлялись на работу.

Кстати, дохи эти шились вручную, и мама была по этой части тоже большой мастерицей. Нужно было так подобрать шкуры, чтобы не было разнобоя по цвету. Для этого загодя скрещивали собак одного окраса, чтобы выводок был одного цвета. Заказов было всегда хоть отбавляй. Помню всегда исколотые большой иглой в кровь её пальцы рук. Кроме того, конечно же, она шила и весь остальной «гардероб» сельских жителей, особенно для женщин и детей. А если учесть, что день она была на колхозной работе, то шила она по ночам. Соседка говорила о ней: «И когда она только спит?»

Вечером ложусь, у неё машинка гремит. Рано утром встаю корову доить, у неё опять машинка гремит». Рассчитывались за работу люди в основном «натурой», потому что они тоже не получали в колхозе никаких денег.

Помню, во время войны привезли в магазин подмоченные мешки с мукой. Потом эту муку просушили, но на стенках мешков образовались корки засохшего теста. И вот женщинам разрешили совершенно бесплатно отшелушивать эти корки и забирать домой. Им чистые мешки, а нам куча засохшего теста. Помню, как мамины пальцы были все ободраны в кровь. А потом помню, как это сухое тесто толкли в ступе и заваривали либо кипящей водой, либо, если было, молоком. Блюдо это у нас называлось «заваруха». Это довольно жидкая мучная, подсолённая похлёбка. Но это казалось необычайно вкусно. Ели мы это из большой общей чашки.

Варила её мама обычно к обеду. И только мы садились за стол, как тут же, словно по часам, я полагаю, что соседка отслеживала время нашего обеда по дыму из нашей трубы, открывалась дверь, и на пороге появлялись два соседских карапуза, примерно мои ровесники. И мама усаживала их за стол, давала им ложки, и они ели с нами вместе. Больше 70 лет прошло с тех пор, а я никак не могу забыть моих детских, голодных ощущений: «Зачем же она их кормит, нам ведь самим мало?»

О доброте моей матери можно писать рассказы. Позволю себе один. Я бы назвала его «Министерский портфель».

До 50-го года все жили очень бедно. Мы не знали даже вкуса хлеба. Основными продуктами питания были овощи со своего огорода, молоко и рыба. Но кто бывал в этой ситуации, хорошо знает, что рыба, любая, даже очень хорошая, очень быстро приедается. Помню одно лето. Всю картошку, которая оставалась от зимы, пустили на семена. В доме нет ничего кроме рыбы и немного молока. Моих старших сестёр от голода и слабости ветром качало. Мама пожарит на рыбьем жиру ельцов, заставляет нас есть, а нас тошнит. Мама плачет.

До сих пор стоит у меня перед глазами картинка, о которой я рассказала однажды своим коллегам по работе на телевидении. Поехала я в свою первую командировку в Асиновский район. Творческая бригада, как на подбор, оказалась из моих сверстников, детей войны. Дорога длинная, и зашёл у нас разговор о трудном, голодном детстве. И вспомнила я, то самое лето. Сажу я за столом, передо мной стоит куженька (Самодельная посуда из берёсты.), ёмкостью, наверное, с ведро, полная черной, осетровой икры. От жира она блестит на солнце. Стоит рядом мама и, зачерпнув деревянной ложкой эту икру, пытается силком засунуть мне в рот. А я зажала рот крепко, крепко. Меня тошнит. Мама сбросила эту икру с ложки обратно в куженьку, и как даст мне этой ложкой по лбу, а сама залилась горячими слезами.

Вернулись мы из командировки, иду я утром по коридору студии, встречные коллеги здороваются со мной и как-то странно так

улыбаются. Спросила, в чём дело? А они мне говорят: «Оказывается, ты, Кутузова, в войну с голоду умирала, чёрную икру «жрать» не хотела». Я всё поняла и говорю: «А вот давайте, проведём эксперимент. В течение месяца вы будете есть только рыбу и чёрную икру, без хлеба, без картошки, без ничего. Одну икру. Я посмотрю на вас, что вы запоёте. Да, через неделю вы взвоете». Подумав, поняли меня коллеги правильно.

Первая зелень в огороде в то самое лето ещё не выросла, а она-то нас ой как выручала. Первая ботва свёклы, брюквы, репы, моркови и капусты, сваренные в кипятке и чуть-чуть заправленные молоком, считались отличным борщом.

Когда появлялась первая картошка, она нам заменяла хлеб. Помню, сварит мама ушицу из какой-нибудь рыбёшки, и отдельно картошку, иногда в «мундире», а иногда «в полоску» для экономии, вот и хлебаем ушицу, а картошка вместо хлеба вприкуску.

Никогда не забуду, это было в канун Нового 1950 года. Федя, мой старший, очень больной брат, был уже совсем плох. По сути дела, мы уже все понимали, что дни его сочтены. И вдруг он говорит маме: «Попроси у кого-нибудь хлеба. Хочу хлеба». Мама ушла и вернулась некоторое время спустя с небольшой краюшкой очень чёрного хлеба, грамм 300. Отрезала ему кусочек. Он с жадностью съел. Она предложила ему ещё, но он отказался, сказал, потом поем. А когда мама ушла доить

корову, он сказал нам, «Девчонки, несите быстрее ножик». Мы принесли, и он отрезал два кусочка, дал нам с сестрёнкой и сказал: «Ешьте, пока мамы нет». На второй день, 1 января вечером он умер.

После его смерти маму сразу же пригласили работать пекарем, печь хлеб для всей деревни. Стряпуха, она была отменная. Позднее, когда народ стал жить получше, её даже возили по деревням готовить свадьбы и другие торжества.

Пекла мама этот хлеб дома. У нас была большая русская печь. Нам привезли огромную квашню, куда зараз засыпался целый мешок муки. Помню, скольких усилий маме стоило перемешивать эту квашню вручную, как болели у неё руки, и по ночам она постоянно стучала ими об край кровати. Мука лежала у нас в доме мешками.

Мука уже к тому времени была белая. По технологии на каждый килограмм муки должен был быть, так называемый, «припёк», то есть готового хлеба из одного килограмма муки должно было быть на несколько граммов больше, и она должна была сдавать этот «припёк» в магазин. Так вот количество этих граммов зависело от мастерства пекаря. И его, этого «припёка», у мамы получалось более чем достаточно, и потому мы стали есть хлеб вдоволь абсолютно бесплатно.

В школу мы, все без исключения сельские ребяташки ходили с тряпичными сумками. Шила нам их мама из куска какой-нибудь грубой

ткани в форме мешка, с кармашком для чернильницы и с большой лямкой через плечо, чтобы не носить в руках в большие морозы.

А у нас в магазине висел на витрине большой кожаный портфель, с двумя большими карманами сверху и двумя отделениями внутри. Висел он там, наверное, несколько лет, ибо кому он мог понадобиться в условиях нашей всеобщей нищеты. И вдруг с первой же зарплаты, а ей за работу уже стали платить кое-какие деньги, мама покупает этот самый портфель.

Я училась тогда в 3-м класса. В школу мы ходили в соседнюю деревню, Петровку, километра за три от нашей Карги. От этой покупки я была в шоке: ведь засмеют, да и портфель был такой огромный и тяжёлый. Но возражать маме я не могла. Боялась. Она была очень строгая.

И только утром, когда она стала собирать меня в школу, я поняла, зачем она купила мне этот портфель. Она взяла целую буханку хлеба, разрешила её на маленькие куски и аккуратно вложила их в одно из отделений портфеля, а в другое отделение сложила мои книжки и тетрадки и сказала: «Раздай там всем ребятишкам и скажи, пусть приносят с собой молоко, а я буду посылать хлеб». Так ежедневно носила я в школу буханку белого, мягкого хлеба и кормила весь класс.

Не знаю, помнят ли это мои бывшие одноклассники, но я запомнила на всю жизнь. Не помню, как долго это продолжалось, куда потом

девался этот портфель. В моей памяти это сохранилось, как чёрно-белое кино, какими-то отдельными кадрами, как в мороз тащу я этот портфель на лямке через плечо, чтобы не обморозить руки, как я раздаю эти кусочки в классе на большой перемене, как достают из своих сумок ребята бутылочки («четушки») с молоком и одобряющий, молчаливый взгляд учительницы.

Я не знаю, по каким причинам в 1948 году мы переехали жить в Петровку. Думаю, наверное, потому, что там жил мамин старший брат, дядя Ефим, а в трёх километрах в другой деревне жил другой её старший брат, дядя Сёма. Возможно, они ей посоветовали, чтобы быть поближе и помогать нам. Поселились мы в бакенской избушке, на самом берегу Оби. Избушка эта стояла на высоких столбах на случай разлива реки, и мы поднимались в избушку по высокой лестнице.

В тот год я должна была пойти во второй класс. Пока было тепло, я ходила в школу, а как выпал снег, валенок и теплых штанов у меня не было, и школу пришлось бросить. Помню, Нина придёт из школы, и я начинаю у неё кланчить: «Нинка, дай валенки и штаны!», чтобы сходить погулять. А она мне валенки даст, а штаны не даёт. Я плачу. И тогда мама сшила мне из разноцветных лоскутков штаны. Знаете, сейчас это называют «бабушкино одеяло». Благо, заказчики всегда оставляли маме кусочки ткани, оставшиеся от шитья. И вот я, счастливая, вышла гулять первый раз в собственных штанах. Но, несмотря на то, что все в деревне были не богаты, ребяташки

стали смеяться над моими штанами. Прихожу и жалуясь маме, что ребяташки смеются. Моя, мудрейшая из всех мам, мама и говорит мне: «Дурочка ты, не понимаешь, что они тебе завидуют. Ведь ни у кого в деревне нет таких штанов, как у тебя». И я потом, гордая, всем так и отвечала, и они перестали смеяться.

Приближалась весна. Мама заготовила картошку на семена, разложили мы её под кровать, под стол на пророст. И вот однажды ночью, мама кричит: «Ребяташки, вставайте!». Помню, что проснулась я от шума и плеска воды под самым ухом, и чувствую, что куда-то скатываюсь вниз головой. Оказалось, что вода уже подмыла пол, и он проваливается, в воду скатывается вся семенная картошка, а с ней и мы, кто спал на полу, вместе с подушками.

Ночь, темно, под ногами бурлит ледяная вода, и скрежет льдин о стены избушки. Но опять же наша мудрая мама, видимо, предвидя такую ситуацию, у кого-то попросила большую лодку, и она стояла привязанная около нашей избушки. Побросали мы в эту лодку наш скудный скарб, и только успели сами вскочить и оттолкнуть лодку от домика в сторону кустов, за которые успели ухватиться, как огромные льдины потащили нашу избушку вниз по течению. А если бы не было этой лодки???

На холодном ветру просидели мы в лодке в этих кустах всю ночь, а утром лёд прошёл, ветер утих, выглянуло солнышко, и такой теплый

наступил день! И поехали мы через Обь в Каргу, которую когда-то основал наш дед Константин, и где жил мамин брат дядя Сёма.

Но жить почему-то мы к нему не пошли, а построили из прутьев подобие избушки, крыша которой была покрыта дёрном. И мама с Геннадием, которому тогда было лет 19, отправились заготавливать лес на будущий дом. Федя к тому времени уже сильно болел, и ждать от него какой-то помощи было бы кощунственно. Мама с Геннадием и двумя сёстрами Галиной и Валентиной, помогал и дядя Сёма, начали строить дом. И осенью мы уже вселились в свой дом. Правда, помню, что потолок был покрыт только на половину, под которую мы поставили Федину кровать и положили туда его, а на улице уже шёл снег с дождём. Но ничего, понемногу справились, и зимовали мы уже в тепле, в своём доме.

Петя рассказывал, что, когда они вошли в Германию, им официально было разрешено, обходить брошенные немцами квартиры, и, если хозяева отсутствовали, брать какие-то вещи и отсылать их посылками домой. Строго-настрого было запрещено что-либо брать, если хозяева были дома. За подобное НКВДшники расстреливали без суда и следствия.

Что-то немцы с нами не церемонились, грабили всё и всех подряд и отправляли в Германию. Они не мелочились. Вспомните хотя бы знаменитую янтарную комнату.

Так вот до ареста Петя успел прислать нам две посылки из Германии. Помню, было там две пары хороших ботинок, которые, кстати, не подошли

никому по размеру, очень красивая ночная сорочка, шитая «золотом», очень красивое платье из крепа до пола, из которого мама сшила платье себе и нам с Ниной по платью. Были ещё какие-то вещи. А мне он прислал большую коробку цветных карандашей, после чего я усиленно начала заниматься рисованием, и помню, меня все хвалили. Сейчас я не умею нарисовать даже «рожицу кривую».

Но почти всё из этой посылки, кроме маминого платья и карандашей, у нас украли беженцы. Да, надо признать, что не все воевали мужественно и самоотверженно. Были самые настоящие трусы, которые бежали с поля боя. Многие из них скрывались в Сибири, в тайге. У нас их называли беженцами. Не знаю, были ли это местные мужики, или из других мест, но их было не мало. По ночам они лазили по домам в поисках пропитания. И в одну из ночей, когда мы все крепко спали, они выставили на кухне окно и всё, а содержимое посылок мама сложила в один чемодан, унесли.

Был и ещё один случай. Дом наш стоял у самого леса, на окраине села. Было это в Тымске. Мы с братом всегда летом спали на чердаке, а с нами там любил спать наш пёс Тарзан. Ночью кто-то по углу дома полез к нам на чердак. Первым учуял его пёс, и с бешеным лаем бросился на него, прямо с чердака прыгнул и гнал его в темноте по лесу, потому что мы ещё потом долго слышали лай нашего пса. А утром, когда рассвело, мы обнаружили в огороде, в картошке следы огромных солдатских сапог.

Мы побаивались их. Но случаев, чтобы они на кого-то нападали, или, тем более, убивали кого-то, не было зафиксировано ни разу.

Отец с фронта не вернулся, Петя сидел в лагерях. Как и где умудрялась наша мать доставать пропитание, знала только она одна. Но и даже в этих условиях она умудрялась каким-то чудом собирать посылки и отправлять их Пете, Марии в Колпашево, где она училась в техникуме в самые трудные голодные годы.

Помню, засушит в русской печке ломтики подсоленной картошки, теперь это вы называете чипсы, и отправляет их в посылке Марии. Мария, а позднее Галина, которая училась в Томске в техникуме, рассказывали, что эта картошка помогла им не умереть с голоду и закончить учёбу. «Эту картошку мы брали с собой на занятия. И когда сильно хотелось есть, положишь ломтик на язык и сосешь её потихоньку, и ощущение голода проходит».

Всю эту нечеловеческую ситуацию осложняло ещё и то, что у мамы на руках был больной сын, Федя. Когда в 42-м ушёл на фронт старший брат, двое младших, Геннадий и Фёдор, всячески старались помогать маме. Они нанялись колоть дрова для больницы. А было им по 13-14 лет. И однажды во время работы полено отлетело и очень сильно ударило Феде в левую ключицу. Особого значения этому не придали – поболит, да перестанет. А оно не перестало, а со временем на месте ушиба открылась рана. Как-то в местной больнице пытались его лечить, но вместо заживления у него начали

открываться новые раны - на плече, на лопатке, потом две появились на левом локте, потом на груди.

Уже после войны решила мама взять Федю в Томск. Помню, продала подушки и перину. Благо, парни уже подросли, охотились, и пера было достаточно. Привезла она его в Томск и, опять же с помощью своего Ордена, добилась приёма у врачей. Толи диагноз ему поставили идиотский, толи хотели отмахнуться от назойливой Матери Героини, только положили его в кожно-венерический диспансер, что и по сей день находится на улице Красноармейской. Маму к нему не пускают, видит она его плачущего только через железные решётки на окнах. Лечения никакого не проводят. И привезла она его назад домой. Болел он у нас 7 лет. С 43-его по 50-й. Это была жуткая картина. Война, лекарств никаких нет. Помню, как мама заливала ему прямо в эти гнойные раны перекись водорода. Как он мучительно кричал от боли! Необходимо было делать ему ежедневные перевязки. Бинтов не было. Было только два комплекта. Поэтому приходилось их каждый день стирать, гладить и снова в работу.

Летом привязывали к ранам листья подорожника. А зимой выбирали из сена все листики, размачивали их в тёплой воде и привязывали к ранам. Лечения от этого никакого не было. Единственное, что после перевязки он чувствовал какое-то время облегчение от чистых сухих бинтов, а потом снова они пропитывались гноем. Эти перевязки делали все. А позднее, когда мне было уже лет 8-9, эту нагрузку почему-то взяла на себя я. Я абсолютно не

брезговала перевязывать его, стирать эти пропитанные гноем бинты. А он, видимо, в знак глубокой благодарности делал мне совершенно потрясающие игрушки. У него были просто золотые руки. Он очень здорово рисовал.

В магазинах же никаких игрушек не было. Да и будь они, на что бы мы их купили? Помню, в году 51-м или 52-м привезла мне Галина из Томска гуттаперчевый мячик. Так это была диковинка на всю деревню. А у меня в моем детском уголке стояли выточенные из дерева кроватка для куклы, её, кстати, тоже мне сшил Федя, стол и стульчики, маленькая кадочка для воды, сделанная по всем правилам из клёпочек, а к ней жестяной ковшечек. Была у меня вся посуда из жести, тарелочки, кружечки, ложечки, вилочки, ножечки. Всё это он скрупулёзно вырезал, выстругивал и вытачивал напильником. Во всей деревне у меня были самые лучшие игрушки, и все девчонки ходили ко мне играть.

Говорят же верующие люди, что существует, какая-то, не видимая связь между живыми и ушедшими в мир иной. Когда Федя умер, я же была ещё совсем ребёнком. И, будучи уже взрослой, матерью двоих детей, вдруг ощутила я невероятную тоску по этому брату. Воспоминания о нем преследовали меня всюду. Как будто чувствовала я какую-то вину перед ним, будто кто-то постоянно твердил мне, сходи на кладбище, сходи! А как сходить? Кладбище-то находится за 600 километров, в нашей далёкой Карге, которой уже давным-давно нет, в тайге, всё лесом поросло. Как туда добраться? Пароходы уже давно не ходят, «Ракеты» и «Метеоры» не

останавливаются у заросших берегов. Но чувство тоски не оставляло меня, и было столь сильным, что я решилась на эту поездку.

Дети были совсем маленькими, пяти и четырёх лет, оставить не с кем, и я позвонила сестре Нине в Иркутскую область, она, кстати, была его крестницей, рассказала ей все мои «печали». Они с мужем Анатолием приехали незамедлительно. Купили мы билеты на «Ракету» и отправились в Тымск, где ещё жили мои дорогие мне родственники, та самая медсестра Валя Брагина с мужем, моим крестным, Василием Васильевичем. Встретили нас очень радушно.

Тогда уже не по «сарафанному» радио, а по телефону узнала о нашем приезде моя двоюродная сестра Фея, что жила в Киндале, километров за 30 от Тымска, и примчались они на моторной лодке с мужем раным-ранёхонько, когда мы ещё спали. Мой крестный работал тогда на какой-то большой речной «посудине» с мощным двигателем, и отправились мы все на ней по нашим бывшим, заброшенным деревням.

В Петровке посетили могилу матери моего крестного, тёти Фати. Она и её муж дядя Вася сыграли в моём далёком детстве не маловажную роль. В голодные послевоенные годы, когда жили мы в Карге, а они в Петровке, где была наша школа, чтобы не ходили мы ежедневно по морозу по 3 километра, забрали они нас с Ниной к себе. И не просто поили, кормили нас за одним столом с собой, но и любили нас как родных дочерей. Своих дочерей у них не было, были два сына. И поделили они нас – я была дяди Васина дочь, а

Нина – тети Фатина. Возвращается дядя Вася с рыбалки и с порога: «Ну, признавайтесь, кто тут без меня обижал мою дочь?»

Из Петровки поехали в Каргу. Зная, какой гнус у нас бывает летом в тайге, оставили мы детей с моим зятем на паузке, а сами двинулись на большую гору, где раньше стояла наша деревня. Домов уже не было, но место, где стоял наша изба, я нашла сразу. Боже, какими маленькими мне показались, всплывшие в памяти расстояния между домами, овраг, опоясывающий наш огромный огород. По этому оврагу катались мы в детстве на санках. Наши, когда-то могучие, кедры, по-прежнему усыпанные шишками, словно звали, «ну заберись, ну нарви шишек, накопи орехи на школьно-письменные принадлежности!».

Прошло со смерти брата 34 года, когда я и была последний раз на его могиле. Но я моментально определила, где было кладбище. Какая-то неведомая сила влекла меня туда. Вот овраг, вот тут должна быть тропинка через него, подняться в горку и первая справа могила моей бабушки Саламаниды, а рядом с ней могила брата. Перед смертью он очень просил маму: «Похороните меня рядом с бабонькой!». Кресты погнили, но очертания могильных холмиков чётко прорисовывались. Прошли мы по всему кладбищу, нашли могилы моей тети Дуни, Феиной матери, могилу моего дяди Семы, дяди Ефима, маминых братьев. Когда мы возвращались назад, мне показалось, что не только у меня, но и у всех моих родственников, было на душе какое-то тёплое и светлое умиротворение, наверное, поэтому

мы все почему-то долго молчали. Не зря же говорят, всё, что мы делаем на кладбищах для своих близких, «это нужно не мёртвым, это нужно живым».

Из истории вы знаете о культе Сталина и сталинских репрессиях. Так вот как они проявлялись в нашей глухой сибирской деревне. Выборы в Верховный Совет в те времена у нас всегда были праздником. Помню, избирательный участок у нас был в соседней деревне Петровка, где находилось правление колхоза и начальная школа, где мы учились. В этой школе и находился избирательный участок. В день выборов запрягали в нашей деревне лошадей, для этих целей их колхоз выделял без разговоров, дуги украшали бумажными цветами и лентами, полуголодные люди с гармошками и с песнями отправлялись на выборы. Поверьте, никто никого не принуждал. Это точно. Видимо, просто люди искренне хотели праздника. И это был праздник. После голосования на участке была детская самодеятельность, песни, пляски.

И вот один наш сельский мужик, дядя Ефрем Барышев, в запале пляски нечаянно задел рукой висевший на стене портрет Сталина. Портрет даже не упал, а только свернулся на бок, Через несколько дней его арестовали и дали ему 2 года.

Мой брат Геннадий работал в колхозе в рыболовецкой бригаде. На дворе уже заканчивался август, а он босяком. Мама сказала ему, бросай всё и пойдём бить шишку, заготовим орех, сдадим и купим тебе сапоги. И мы всей большой семьёй отправились в лес. Натаскали столько шишек, благо, год

выдался урожайный, что ими был завален весь дом, сени и даже двор. Федя уже был совсем плох, почти не вставал. И тут заявилось к нам сельское начальство. Председатель колхоза, парторг и председатель сельского Совета. Дескать, из-за самовольного оставления работы вся ваша шишка конфискуется. Помню, Федя снял висевшее около него на стенке ружьё, а тогда у всех сельских мужиков ружья были «в законе», и сказал: «Если хоть один из вас только притронется к шишкам, тут же уложу наповал. У меня уже одна нога в могиле, мне за это ничего не будет». Подействовало. Они ушли ни с чем.

А спустя некоторое время наша родственница, которая работала секретарём в сельском Совете, рассказывает маме: «А ты знаешь, тетка Елена, что за вами НКВДешный катер приходил с паузком, ссылать вас хотели?» Оказывается, на моего брата были поданы документы в НКВД как на врага народа за саботаж. Но, второй раз вынуждена признать, что и в НКВД встречались порядочные люди. Когда они приехали в Петровку в контору, то спросили у местного начальства, ну показывайте, кто тут у вас саботажник, кого ссылать, как он работает? И потребовали ведомости с показателями выработки брата. А когда увидели, что у него выполнение плана на 200, а то и 300 %, то сделали нашим начальникам хороший втык, дескать, кого это вы собрались ссылать? Передовика? И уехали восвояси. А мы даже и не знали об этом.

Но позднее, поскольку за такую ударную работу по-прежнему не платили ни копейки, брат решил уйти из колхоза самовольно. А тут стали образовываться леспромхозы и сплавные участки по заготовке древесины и там стали очень хорошо платить. Вот он туда и подался. И только мы почувствовали хоть малейшее облегчение, как брата арестовали и посадили, правда, всего на 2 месяца. Но этих двух месяцев хватило на то, чтобы вышел он откуда совершенно больным. И так и не оправился до конца своих дней, ушёл из жизни всего-то в 54 года.

На заготовку кедрового ореха всегда существовали сроки, в зависимости от созревания шишки. Чаще всего это было 25 августа. А у нас, на нашем огороде, стояли три огромных кедра. Были такие кедры и у других домов. А поскольку к школе надо было купить всё необходимое, а денег в колхозе не платили, то мы, все сельские ребяташки, лазили на эти кедры, что были в деревне, а не в лесу, собирали шишки, копили орехи и продавали их на проходящие пароходы и катера до 25 августа.

И вот однажды Нина пошла на берег с мешочком орех, и очень скоро возвращается с горючими слезами. Мама спрашивает, в чём дело? А она говорит, что подошёл к ней кто-то из наших сельских начальников и говорит: «А, как отец враг народа, так и дети такие же!» и отобрал у неё мешочек с орехами. Просто отобрал, и всё. Без протокола, без ничего отобрал у десятилетнего ребёнка орешки и, вероятно, пощелкал их потом на досуге.

Вспоминая своё голодное детство, должна сказать, что были в нашей жизни и радостные моменты. У моей мамы, выросшей в семье, как я уже говорила, глубоко верующих родителей, были своеобразные отношения с Богом. Она чётко знала все церковные праздники и всегда их отмечала по мере возможности. В Троицу мы приносили из леса берёзку, устанавливали её во дворе, наряжали как елку. Тут же во дворе ставили стол, и мама доставала из каких-то «тайников», Бог знает, каким образом съэкономленные и припрятанные продукты, и мы усаживались за этот стол праздновать Троицу. В Рождество мы славили не просто калядки, а исполняли настоящее «Рождество твоё Христе Боже наш, во сия Мира и Свет разума...». Знаю его до сих пор наизусть. А в Святки гадали, бегали «воровать» поленья из чужой поленницы, надо было именно «своровать», подойдя к поленнице спиной и, не глядя выбрать полено. Дома его клали в печь и слушали, как оно горит. Если сильно трещит, муж будет злой, если шипит – сварливый, а если беззвучно, то ласковый и добрый. В Пасху всегда во дворе мама делала качели, позднее, когда уже была мука, пекла кулич. А на Вознесение стряпали «лесенки», и мама ставила их к образам, а нам объясняла, что по такой лестнице воскресший Христос вознёсся на небо.

Но нас она никогда не принуждала молиться. И, сама, испытав столь горькую долю, никогда не молилась. Но все дети, когда ещё была церковь, были крещёными, а когда церковь перестроили в клуб, остальные все прошли обряд погружения. Позднее, когда в космос полетел Гагарин, она, словно прозрев, с каким-то радостным чувством объявила нам: «А Бога-то никакого

нет. Если б он был, он бы там Гагарина-то наказал за непрошеное вторжение к нему». Но перед смертью, когда к ней после инсульта вернулась речь, она попросила: «Сходите в церковь, купите мне крестик и наденьте!».

Кстати, и мой любимый брат Геннадий, «богохульник», сделал то же самое перед смертью, чему мы все очень удивились. Наверное, решил таким образом искупить грехи. Я очень не люблю, когда ругаются матом. Наверное, потому что выросла я в семье, где никогда никто не позволял себе эту пошлость. Да и у наших деревенских мужиков было какое-то врождённое чувство меры. Они никогда не ругались матом при детях. И вот однажды кто-то рассказал маме, что слышали, как «ваш Генка где-то на сору ставил резовки и матерился в «Бога и в 33 боженёнка», а был он уже большенький, лет 17-ти. Когда приехал он с очередной рыбалки, мама такую ему устроила трёпку вожжами, что на всю жизнь он усвоил законы «красноречия» и русской лексики. По крайней мере, я от него никогда не слышала матов.

Помню, как в военные годы не было керосина, чтобы зажечь лампу. Электричества тогда и в помине не было. А зимой в наших северных краях темнота наступала уже часа в 4. Представьте себе, что можно делать в кромешной тьме?

Ещё днём мальчишки пилили маленькие чурочки, кололи их, и вечером мама разводила на шестке большой русской печки костер и брала в руки какое-нибудь вязание, или пряла пряжу. А мы все рассаживались вокруг неё. Федя читал книгу в сотый раз про Жилина и Кастылина, похоже, это была

единственная книжка в доме. Но чаще всего мама рассказывала нам сказки. Знала она их несчётное количество, повторялась только тогда, когда мы просили её рассказать какую-то запомнившуюся нам сказку.

Уже, будучи взрослой, я часто вспоминала эти вечера, и у меня сложилось такое ощущение, что эти сказки мама выдумывала сама. Сюжеты их были невероятными. Современные триллеры просто «отдыхают». Мы слушали их в абсолютной тишине, и порой было так страшно, что мы боялись даже оглянуться назад. Казалось, что персонажи этих сказок стоят у нас за спиной, где играли блики нашего костерка, и от этого обстановка в избе казалась какой-то ещё более мистической, фантастической.

Позднее, будучи студенткой филфака, отправились мы на фольклорную практику в Кривошеинский район, и по дороге устроили на катере балдёж, с плясками и частушками. А руководителем у нас был строгий, вечно хмурый, «сталинист» до мозга костей. И я спела одну мамину частушку:

«Сидит милый на крыльце, опечалился в лице.

А выражает то лицо, чем садятся на крыльцо».

И вдруг, руководитель подскочил, возбуждённый, и спрашивает: «Что Вы спели?». Я перепугалась, а он мне настойчиво так – «Повторите!». Я спела. На что он мне сказал: «Вы можете не собирать фольклор. Считайте, что зачёт Вы уже получили. Я 30 лет занимаюсь фольклором, но такой частушки не слышал». И мы с подружкой провалялись две недели на пляже. Я ей сказала,

не переживай, не бойсь, приедем домой, посадим маму, она нам столько напоёт и порасскажет, что хватит на всю группу. Так и сделали. И мы записали две тетрадки её сказок, поговорок и пословиц, частушек и прибауток, которые она могла часами напевать своим внукам.

Теперь я иногда вспоминаю кое-что из её репертуара и напеваю своим внукам Варваре и Пелагее. И им нравится. Спрашиваю, что споём? Варвара кричит – «Про дождик».

«Дождик, дождик перестань, я поеду за Ристань

Богу молиться, Царю поклониться.

У Царя сирота открывала ворота

Ключиком-замочком, шёлковым платочком».

Или, например, вот это: «Дождик, дождик, пуще, дам тебе гущи,

дам тебе ложку, хлебай понемножку!»

А Пелагея просит «про Дуню».

«Во ку... во кузнице, во ку... во кузнице,

Во кузнице молодые кузнецы.

Во кузнице молодые кузнецы.

Они, они куют, они, они куют.

Они куют, приговаривают.

К себе Дунюшку приманивают.

Пойдём, пойдём, Дуня, пойдём, пойдём, Дуня,

Пойдём, Дуня во лесок, во лесок.

Пойдём, Дуня, во лесок, во лесок.

Сорвём, сорвём, Дуня, сорвём, сорвём, Дуня.

Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок.

Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок.

Сошьём, сошьём Дуне, сошьём, сошьём Дуне,

Сошьём Дуне сарафан, сарафан.

Сошьём Дуне сарафан, сарафан.

Носи, носи, Дуня, носи, носи, Дуня,

Носи, Дуня, не марай, не марай!

По праздничкам надевай, надевай!»

Кстати, об именах. В нашей родне было много достаточно интересных и исконно русских имён. Многие из них уже давно не встречаются в жизни. Я думаю, что их давали всё-таки в церкви при крещении. Харитинья, Лукерья, Прасковья, Пелагея, Феафила, Серафима, Анфея, Евдокия, Графира. Флегонт, Парфирий, Прокофий, (Прокопий), Хриссан, Гурьян, Емельян, Артемий, Ефим, Евграф.

Я всегда вспоминаю молодых женщин, которым в 41-м было примерно по 20 лет. На это поколение выпала тяжкая доля. Не успели они познать, что такое семейное счастье, как забрали их молодых мужей на фронт. У кого-то мужа вообще не вернулись с фронта, у кого-то попали в плен, а после плена - лагеря. Так мало было этого, многие по разным причинам сами оказались в сталинских лагерях. В эту мясорубку попала и моя старшая сестра Александра.

Замуж она вышла молоденькая, едва исполнилось 18 лет. Мужик ей попался не плохой, работающий. Любили они друг друга очень. В 40-м году родилась у них Рита, а в 41-м мужа забрали на фронт. Очень хорошо помню, как получила сестра на мужа похоронку, помню, как маленькая Рита ложилась на пол, складывала ручонки на груди и приговаривала картавым детским язычком: «Мой папа похоронен в деревне Малая Алабянка...». А в 47-м приходит от мужа письмо, что он живой, попал в плен, затем лагеря и оказался он в Таджикистане, что выехать он оттуда не может, и чтобы она ехала с ребёнком к нему. А она в это время замещала сельскую продавщицу, пока та была в отпуске. Претензий к ней никаких не было, когда она сдавала магазин,

Продав последние пожитки, собрали они с мамой кое-какие деньжата, и уехала она с ребёнком в Среднюю Азию к мужу. А через месяц мама встречает в Каргаске её мужа, Абрама. Спрашивает, что же ты наделал? А он говорит, я подумал, на что она поедет в такую даль, где возьмёт денег и

решил ехать сам домой. В результате, ему возвращаться туда не на что, а ей возвращаться сюда тоже не на что. А вскоре в магазине вскрылась большая недостача, и продавщица свалила всё на нашу Александру. И загремела она в лагерь на 2 года. Правда, отбывать её привезли в Томскую область. Риту отдали в детский дом. Но потом, точно не помню, как, её забрала из детдома мама, и стала она жить с нами. Помню как напевала она на таджикском языке какую-то песню. "Сталин иден на ден. Турахна мой и моён". Отец её со временем женился, иногда он забирал дочь к себе, но та с мачехой жить не хотела.

Освободившись, Александра приехала беременная. Беременность для женщин была единственным способом освободиться досрочно. Помню, был она всегда какой-то грустной, курила и иногда пела свои тюремные заунывные песни. "... Бедная девочка в платице белом, вдоль по бульвару шатаясь бредёт". Родила, воспитывала одна, потом выходила замуж, за непутевого мужичонку, абсолютно безграмотного, любящего поддать.

И много, много лет спустя, когда умерла жена Абрама, а Александра была уже четырежды бабушкой, Абрам приехал к ней, и выяснилось, что оказывается, всю жизнь он любил только её. Но счастье их было ничтожно коротким. Через несколько месяцев она умерла от онкологии. В последние дни своей жизни она говорила мне, что никогда не была так счастлива, как в эти короткие месяцы жизни с Абрамом.

Самое печальное, что такая же судьба постигла многих её сверстниц – вдовство, лагеря, рождение внебрачных детей. Некоторые пристрастились к алкоголю.

Помню в 70-е годы пошёл бум на золотые украшения. Я говорю маме: «Ты всегда рассказывала, то тебе Семён из Томска брошь золотую привёз, то Емельян - цепочку золотую, то Ефим – кольцо с рубином. А где ж всё это золото?» «А знаешь ли ты, - ответила мне мама, - что я своё обручальное кольцо, в котором венчалась с твоим отцом в церкви, последним отдала за буханку хлеба?» И тогда же она мне сказала: «Запомни на всю жизнь, золото продавай только тогда, когда у тебя умирают с голоду дети».

Не знаю, как передать словами то чувство стыда за свою оплошность, которое я тогда испытала. Только с первой же очередной зарплаты купила я золотое, обручальное кольцо, принесла его маме, надела на безымянный палец и сказала: «С ним и в гроб ляжешь». И когда она лежала после инсульта, говорить она уже не могла, но всё время поднимала эту руку с кольцом и пыталась что-то сказать. Мой брат спросил её: «Что, мама, тебе кольцо мешает? Давай его снимем». Она крепко сжала кулак и строго посмотрела на сына. Так и ушла она в мир иной венчанная с единственным любимым человеком, нашим отцом.

Однажды, когда я ещё работала в молодёжной газете, на нашем телевидении решили на День защиты детей сделать передачу о Матери-героине, что-то вроде, знаменитой тогда передачи «От всей души».

«Жребий» выпал на мою маму. Коллеги с ТВ умудрились собрать нашу многочисленную семью со всего Союза, со всеми её внуками и правнуками, а их уже тогда было у неё 21 «человечек». Мы тщательно скрывали от мамы это, прятали их по своим квартирам. Поэтому когда по ходу передачи стали приглашать в павильон одну за другой моих сестер с их детьми: Нину из Иркутской области, Галину из Оренбурга, Валентину с Украины, реакция мамы была столь естественной и неподдельной, что режиссёр передачи потом сказала: «Впервые за многие годы работы на телевидении у меня была героиня программы, которой было всё происходящее в павильоне «до фонаря». Она была занята только своими внуками, обнимала их, целовала, поглаживала по головкам, о чём-то шепталась с ними».

После записи программы решили сделать фотографию бабушки со всеми внуками и правнуками отдельно. Долго усаживали всех, потому что малыши, расталкивая друг друга, старались непременно попасть к бабушке на колени. Помню, тогда старший оператор Артур Найман спросил меня: «Неужели она их всех помнит?». Я говорю: «Ну что ты, Артур, она же их всех вынянчила».

Честно говоря, писалось всё это долго и мучительно. Не потому что слов не находила, а потому что иногда было очень тяжело вспоминать некоторые события и факты. Единственное, что смягчает эту горечь, так это то, что мы, её дети, сумели обеспечить маме безбедную старость. В условиях совершенно не вероятной нищеты, она сделала всё, чтобы двое из восьми получили высшее образование, двое – средне специальное, остальные

приобрели профессии и трудились так, что ей ни за кого никогда не было стыдно. Напротив, она всегда гордилась нами и очень любила рассказывать об этом своим попутчикам во время многочисленных поездок по городам и весям страны, где мы жили. Она очень любила путешествовать.

Ещё она была заядлая театралка, мы просматривали с ней весь репертуар нашего драмтеатра. Она не пропускала ни одного нового фильма. Недавно пересматривала я «Войну и мир» и вспомнила маму. Думаю, такой сложный философский фильм, а она с таким желанием рвалась его посмотреть. Помню, премьера была в кинотеатре имени Горького. Стояли сорокоградусные морозы, транспорт ходил плохо, и мы бежали с ней по этому морозу три остановки, чтобы успеть на первый сеанс. И «Андрея Рублёва» мы с ней посмотрели. И она любила обсуждать эти фильмы.

Однажды приехал к нам на гастроли Бурятский академический театр оперы и балета. Труппа была поделена на две группы, и каждый день одновременно шёл спектакль в театре и по телевидению. Прихожу вечером из университета, она сидит перед телевизором, смотрит оперу, и раздражённо говорит мне: «Ну что они всё поют, ничего не понятно, почему не говорят?». Стала ей объяснять, рассказала содержание оперы. На второй день прихожу, та же картина, только теперь она уже на какой-то мой вопрос, отмахнулась: «Не мешай!». И просмотрела весь репертуар.

Когда случился с ней инсульт, мы установили дежурство наших многочисленных родственников и ни на одну минуту не оставляли её без

внимания. И всё-таки не уберегли. Через 18 дней она скончалась. Случилось это 7 апреля, в великий праздник Благовещение. Соседки шептались, ой как не хорошо, в такой праздник. Но в церкви Батюшка сказал нам: «В этот день Господь даёт смерть только самым безгрешным людям».

Сегодня некоторые, особенно молодые политики, так любят рассказывать много «интересного» про те годы, когда их самих и в помине не было. Слушаю их и думаю, ну откуда вы знаете, что было так? Кто вам это сказал? Где вы это прочли? Да, были репрессии, да, были колхозы, где люди работали бесплатно, да, были нищета и голод, вызванные войной. Много чего было негативного. Но утверждать, что в советские времена всех поголовно принуждали ходить на демонстрации 1 мая и 7 ноября, дескать, за неповиновение наказывали, чуть ли не тюрьмой? Бред какой-то. Сколько себя помню, всегда ждали эти праздники, готовились к ним и с огромным удовольствием ходили на демонстрации.

Особенно в годы работы на заводе я очень любила Первомайскую демонстрацию. У нас на заводе была масса спортивных секций: и лыжники, и футболисты, и легкоатлеты, и баскетболисты. Да, Господи, каких только секций не было. Нашу лыжную команду перед областными соревнованиями всем составом за счёт завода вывозили в Багашовский Дом отдыха на сборы. Там отличный рельеф для подготовки лыжников, и мы, как настоящие «профи», в течение двух недель готовились к соревнованиям. По итогам года всегда проводился спортивный вечер, с вручением грамот, вымпелов,

подарков. Всегда на этом вечере присутствовали и выступали директор завода, парторг, начальники цехов. Так вот, на Первомайской демонстрации мы – спортсмены, всегда шли отдельной колонной. Завод покупал нам новенькую форму. Всегда было красиво и весело.

На ноябрьской демонстрации мы шли в составе цехов. Был у нас заместитель начальника цеха Марк Аронович Бородавкин. Удивительный человек. Цех у нас был в основном женский, а продукцию делали тяжеловесную и по технике безопасности эти роторы и статоры подавались на рабочие столы и снимались при помощи крана. Очень берегли женщин. Ни в коем случае не позволяли поднимать тяжести. Все необходимые изоляционные материалы должна была разносить по рабочим местам комплектовщица. Так вот, если случалось, что заболел крановщик или комплектовщица, Марк Аронович никогда не считал зазорным заменить этих людей. Все в цехе к нему относились с огромным уважением.

Перед демонстрацией он тщательно проверял, все ли тепло одеты, обуты, есть ли гармонист? И когда приходилось колонне останавливаться, начинались песни и пляски. И тогда Марк Аронович доставал свою заветную бутылочку коньяка для «сугрева», наливал в колпачок от этой бутылки и заставлял каждую из нас выпить, дабы никто не простудился.

Завод в моей биографии – это отдельная страница. Слышали, наверное, о таком понятии как «демографическая яма»? Это годы, когда в какой-то стране резко падает рождаемость. Это чаще всего вызвано какими-то

глобальными катаклизмами: войны, землетрясения, революции, политические перевороты. В нашей стране это была Великая Отечественная война. Так вот моё поколение как раз попадает в такую демографическую яму. Теперь это поколение называют «дети войны».

Сейчас, при самом бурном строительстве, всё-таки не хватает школ, и дети иногда вынуждены учиться в две, а то и в три смены, и в классах иногда доходит до 40 учеников. А когда я заканчивала 10 класс, у нас на всю среднюю школу было всего два выпускных класса по 20 человек. Шефом школы был пятитысячный коллектив завода «Сибэлектромотор». Проезжаю сейчас мимо своего родного завода, и сердце кровью обливается. Что сделали с таким гигантом? В 62 страны мира экспортировали мы свою продукцию, от мизерных моторчиков для швейных машин до огромных моторов для кранового оборудования, гидротолкатели для шахт. Наш литейный цех обеспечивал литьём не только Томск, но и всю Сибирь.

К нам на выпускной вечер пришёл секретарь парткома завода, поздравил нас и обратился с просьбой, не торопиться поступать в вузы. Заводу катастрофически не хватает рабочих рук. И так по всей стране. Поэтому Правительство приняло специальное постановление, дающее право внеконкурсного поступления в Вуз тем, кто отработает после школы два и более года на каком-то производстве, на стройке или даже в школе.

Никто нас насильно не заставлял. Ну, мы так были воспитаны: надо, значит надо. И почти половина из нашего класса пришли на завод. После 4-х

лет работы на заводе, был Томский университет (Что может быть прекраснее студенческих лет!?), 9 лет работы в областной молодёжной газете, почти 30 лет на государственном телевидении. Но всегда, до сих пор с особенной теплотой вспоминаю я свой родной завод. Поверьте, такие понятия, как «рабочая семья», «наставник», «династия», «соревнование», «шефство», «бригада», и, если хотите, «комсомол» - для меня не пустые слова. Каждое из них наполнено событиями, конкретными людьми и глубоким смыслом. Жизнь бурлила не просто ключом. Каким-то Ниагарским водопадом. Спорт, художественная самодеятельность, шефство над пионерами, репетиции хора и агитбригады, концерты по селам. И на каток надо сбегать и на танцы. Сейчас иногда вспоминаю и думаю, ну как я всё успевала? И не верю никому, что за прогулы и опоздания судили. У нас их не было по определению. На всю жизнь запомнила, как однажды проснулась, и покажись мне, что мы проспали. Жила в рабочем общежитии. Бужу: «Девчонки, проспали!». Все повскакивали, не глядя на часы, бежим, а на дворе снежок падает. Кричу: «Уже все следы замело!». Залетаем запыхавшиеся в проходную. Бабушка, вахтёр, заспанная, высовывается в окошечко: «Вы куда?». – «Бабушка, пропустите, пожалуйста, мы проспали!». – «Дурочки, посмотрите на часы!». Посмотрели, 6 часов. А смена начинается в 8. И начался гомерический хохот. Вместе с нами, проснувшись, развеселилась и вахтёрша: «Идите, досыпайте!». – «Да нет, Вы уж нас пропустите, мы пойдём работать!». И поверьте, бежали мы, сломя голову, не из страха, не из-за какого-то наказания. Не думали мы об этом. Самым

«страшным» наказанием было попасть в стенгазету. А это стыдно. Просто совесть была, и ответственность. А воспитывались они в нас с детства, в семье и в школе.

Помню, училась я тогда в пятом классе. И была у нас одна девочка. Не девочка, а дьявол в юбке. Вечно с кем-то дралась, грубила учителям, обзывала одноклассников, училась абы как. Учителя уже и не знали, как найти к ней подход. Вот тогда и решили мы «проработать» её на пионерском собрании.

Запомнилось мне почему-то, что пришла она на наш «суд» в грязном платье и всё время прикрывала ручонками свой грязный живот. Что мы ей говорили тогда, уже не помню, но, в конце концов, она горько заплакала. Нам стало её, просто, жаль. И мы взяли над ней шефство, стали вместе учить уроки, приняли в тимуровский отряд. Мы тогда очень активно помогали какой-то одинокой бабушке. Только после этого сбора девчонка очень переменилась. Стала лучше учиться, перестала грубить. С большим удовольствием мыла у этой бабушки полы, таскала с речки воду. В общем, выросла из неё нормальная женщина, хозяйка и мать. Вот и судите теперь, пионерские организации – это хорошо или плохо?

Опять вспоминается трудное, голодное детство. Из-за вечного безденежья, займёт мама у кого-нибудь деньги за надобностью, скажет, такого-то числа отдам. Подходит это злосчастное число, а денег нет. Идёт к другому занимать, чтобы отдать первому. И так, пока не заработает шитьём.

И ей всегда занимали. И нас всегда учила, дал слово, умри, но сделай. Поэтому, наверное, больше всего в жизни я не понимаю не обязательных людей.

В годы работы на телевидении почему-то ко мне больше всего направляли студентов журфака на практику. Я всегда знакомство с ними начинала с того, что предупреждала: «Если дала задание, причиной невыполнения может быть только ваша смерть. Но перед смертью, пожалуйста, позвоните мне и скажите «Ирина, Михайловна, я умираю». Все дружно хохотали, но всегда были исполнительными, а практика - плодотворной. За исключением единственного случая.

Однажды у меня в группе оказался парень, который ни черта не делал, но ежедневно приходил ко мне в кабинет, садился напротив меня и начинал заумные разговоры ни о чём. Только мешал мне работать. Я его несколько раз предупреждала: «Не поставлю «зачёт». Что будешь делать без стипендии?» Не помогало. Но нутром чувствовала, не глупый парень. Не сделал ни одной работы. Но «зачёт» я ему всё-таки поставила. И что вы думаете? Прошло лет пять. Смотрю по Центральному телевидению программу «Время», и слышу: «Репортаж нашего специального корреспондента из Кемеровской области...», и его фамилия. Посмотрела репортаж и подумала: «Ну вот, значит, не зря я ему тогда «зачёт» поставила.

Хорошо помню, в детстве, когда детей пугают бабайками, меня почему-то и кто-то начал пугать старухой Грефенштейн. Это был конкретный персонаж

из нашей деревни. Высокая, сухая, вечно молчаливая старуха немка, одетая во всё черное, в юбке до пола, которая делала её ещё тоще и выше. И я панически боялась её.

В доме у нас была единственная двуспальная деревянная кровать наших родителей. На ней спали мама с Ниной. А я всегда спала около своего любимого брата на полу. И вот однажды ранним летним утром я просыпаюсь от того, что слышу как на кухне мама чиркает спичками, чтобы растопить печь. Я подумала, наверное спички отсырели, раз мама не может так долго их зажечь. Случайно переведя взгляд на кровать, и я увидела, что мама спокойно спит. Я осмотрела всех остальных. Кто же там на кухне растапливает печь? Все спали.

И вдруг я чётко вижу, как из нашей кухни выходит старуха Грефенштейн в своём привычном чёрном одеянии и очень медленно, как в замедленном кино, идёт к входной двери. Меня охватил такой ужас, что я инстинктивно начала вжиматься в постель и сползать под одеяло в ноги к брату. Он почувствовал это и проснувшись спросил, что с тобой? Я заикаясь ему рассказала, что только что из нашей кухни вышла старуха Грефенштейн и вышла в дверь на улицу.

Брат взял меня за руку, подвёл к двери и говорит, ты видишь, что на двери крючок, он закрыт, как могла старуха Грефенштейн выйти. Я упираюсь, я видела, как она вышла. Он сбросил крючок, вывел меня в сени, открыл дверь уличную, видишь, нет никакой старухи, тебе это приснилось. А

когда все проснулись, устроил проволочку всем домочадцам и сказал, если ещё кто-нибудь хоть раз вспомнит здесь старуху Грэфенштейн, башку оторву.

Но на этом дело не закончилось. После обеда он повёл меня на окраину села, где за рыбзаводом жили немцы. Он привёл меня к той самой старухе Грэфенштейн, которая оказалась милой, разговорчивой бабушкой. Она сказала мне, что у неё есть свои внуки и чужие ей не нужны.

Но не столько меня потрясло знакомство с этой старушкой, сколько то, где и как жили немцы. Наши немцы, волжские. Не пленные фашисты. Хотя я этого, конечно, не понимала. Но меня ребёнка потрясло увиденное. Прямо глубоко в земле были вырыты ямы, перекрытые потолком из досок и землей. В них лесенкой спуск в землянку. Внутри мы не спускались. Она встретила нас на верху, на земле. Но особенно бросилось мне в глаза то, что вокруг землянок была идеальная чистота, и земля вокруг входа, и ступеньки были посыпаны желтым песочком с берега нашей Оби. Эта картина запала мне в памяти на всю жизнь и стала эталоном немецкой аккуратности, педантичности и трудолюбия.

Позднее, когда уже работала на телевидении и курировала выборы, область готовилась к очередным выборам губернатора. Среди кандидатов был В. М Кресс, как вы знаете, один из представителей наши русских немцев. Надо заметить, что активность избирателей тогда была достаточно высокой, и мне иногда звонили избиратели с вопросом : "Зачем нам нужен

губернатор-фашист?" Да простит меня Виктор Мельхиорович, но именно так спрашивали. И вот тогда я начинала спокойно объяснять, что у нас нет фашистов, что это наши русские немцы, свои, доморощенные и прочее, и прочее. Но самым веским аргументом были мои детские воспоминания про старуху Грэфенштейн и её землянку, и ступеньки, посыпанные желтым обским песочком.

Действовало безпроигрышно. Прощаясь, люди говорили "спасибо" и то, что голосовать они будут непременно за Кресса.

Посмотрела недавно фильм «Особенности национальной политики». Ну, этот, из серии фильмов «Особенности...», где главный герой рыбак, охотник и любитель тостов генерал Михалыч. Фильм показался не очень по сравнению с другими сериями, но до чего же точно схвачен смысл наших выборов и суть наших кандидатов. Так случилось, что я оказалась в самой гуще тех самых демократических выборов, что начались у нас вначале лихих 90-х. Работала я тогда в редакции пропаганды, которой и было поручено освещать выборную кампанию.

Справедливости ради надо отметить, что самые первые выборы народных депутатов были действительно демократичными. По крайней мере, коммунисты тогда искренне стремились к этому, за исключением некоторых погрешностей. Сказывалась привычка. Томичи помнят, как всплыл на политическом небосклоне некий вольнодумец и независимый кандидат Степан Сулакшин, кажется, молодой учёный из ТПИ, человек тогда никому

не известный. Вызывает меня мой руководитель, имя не буду называть, светлая ему память, и говорит: «В университете сегодня будет собрание по выдвижению кандидатов. Будет там выдвигаться некий Сулакшин. Сходите, пожалуйста, на это собрание и посмотрите, что это за человек».

Пошла. Потом, на протяжении многих лет я наблюдала стремительный, политический рост этого человека. Но тогда он произвёл на меня удручающее впечатление. Внешне не приметный, с едва слышным, дрожащим голосом и трясущимися руками. Говорил как-то сумбурно. Весь смысл сводился к тому, что коммунисты плохие, их надо заменить на хороших. Своё впечатление, вернувшись с собрания, я передала моему посланцу. Но, вероятнее всего, его это не успокоило. Воспользовавшись более компетентными источниками, организаторы выборов, или мой руководитель, не знаю, приняли решение, смысл которого, остаётся для меня, и по сей день загадкой.

По правилам тех выборов выдвинутых кандидатов должно было ещё утвердить какое-то городское собрание, которое планировалось провести в Доме Политпроса и обязательно транслировать в прямом эфире по телевидению на всю область. Вызывает опять меня мой руководитель и говорит: «В Доме Политпроса будет оборудована специальная комната, откуда Вы с секретарём одного из райкомов КПСС (называет фамилию. Я его хорошо знала по комсомольской работе. Мы были с ним на «ты».) во время выступления Сулакшина выйдете в прямой эфир». Спрашиваю: «С какого

перепуга мы выскочим как «двое из ларца»? И о чём мы будем говорить с народом?» Никакого вразумительного ответа я не получила. И вот начинается собрание, сидим в оборудованной комнате, ждём выступления Сулакшина, оператор на чеку. Я пытаюсь получить ответ у секретаря. Он тоже не знает, о чём говорить. Не знаю, вразумил ли кто-то моего руководителя, или хватило ума и смелости у моего режиссёра, но на наше счастье Сулакшина в эфир выпустили, а нас не «впустили». От пережитого волнения перед неизвестностью и от радости я даже не вспомню сейчас, о чём говорил Сулакшин, какую крамолу нёс. Но народ, видимо, его услышал и проголосовал за него на собрании, а позднее и на выборах.

Спустя несколько лет перед нами предстал закаленный в «неравных» боях матёрый политик, который «отмачивал» в нашем эфире ещё те номера.

Купил как-то он время в эфире, минут пять. Вышел в эфир, поздоровался. Политик возмужал, голос окреп. Руки уже не трясутся, сказал несколько фраз. Встал и вышел со словами, обращёнными к оператору. «А оставшееся время будете показывать моё кресло». И показывали в полной тишине. А что делать? Таков был Закон о выборах.

На протяжении 10 лет, что довелось мне освещать выборы, я повидала очень много кандидатов в депутаты самых различных уровней власти. Это моё сугубо личное мнение, но я пришла к выводу, что среди многочисленного количества претендентов на власть, абсолютное большинство - люди, далёкие от искреннего желания что-то изменить в

лучшую сторону, от желания действительно служить народу, люди корыстные, изворотливые, хитрые, жадные до наживы за счёт заветного властного кресла. Со временем у меня выработался сам по себе иммунитет к таким людям. Появилась интуиция. И я уже не каждому соглашалась делать телевизионную рекламу. И это не просто слова. Это подтверждала практика.

Пришёл как-то ко мне совершенно незнакомый мужчина со словами: «О Вас говорят, что все, кому Вы делаете рекламу, побеждают на выборах. Мы хотим попросить Вас сделать рекламу нашему кандидату». Я спросила, кто их кандидат, знаю ли я его. Отвечают, что не знаете, он простой учитель. Я согласилась. Вначале он прошёл в городскую Думу, затем - в областную. И вот уже на протяжении многих лет он избирается в областную Думу без всякого моего участия. Его рекламой стала его повседневная работа депутата на своём округе. И мне никогда не было за него стыдно. Более того, я горжусь тем, что когда-то оказала ему помощь на его политическом старте.

К сожалению, таких депутатов знаю мало. Зато других примеров предостаточно. Один из кандидатов в Городскую Думу пришёл ко мне с просьбой, пойти с ним в эфир в купленное им время. За это журналисты на совершенно законных основаниях получали добавку к зарплате, определённый процент от оплаченной кандидатом суммы. Я не согласилась. Ну, нутром чуяла, что это не хороший человек. С ним сел в эфир другой журналист. В депутаты он прошёл. Но спустя некоторое время, я совершенно

не удивилась сообщению в новостях о том, что этот депутат арестован за взятку. Вина его была полностью доказана, и он отсидел положенный срок.

А вот другой случай, который меня просто выбил из равновесия, когда моя интуиция отказала мне напрочь. Один из представителей нашей власти, которому я делала рекламу, с участием которого я подготовила и провела несколько дельных и полезных передач, к которому я относилась с искренним уважением, во время избирательной кампании тоже купил платное время в эфире.

Один из моих руководителей, встретив меня в коридоре студии, с каким-то очень весёлым настроением сказал мне: «Знаешь, какой комплимент тебе сейчас отвесил ... (и называет имя этого кандидата). Я спросил его, с кем Вы пойдёте в эфир? Он ответил, мне - всё равно. Я сказал, значит тогда с Кутузовой. Ой, нет, нет, закричал он, только не с ней. **Она слишком честная**». Вначале мне тоже стало весело. Но потом я очень много размышляла над этим. Честность - это порок или достоинство в его понимании? Если это достоинство, то почему он отказался идти со мной в эфир? А если это порок, то почему я, контактируя с ним столько лет, ни разу не усомнилась в его честности?

Через пару лет, как гром среди ясного неба, все СМИ, взхлёб, сообщали: «Арестован... изъяты большие суммы денег...». Ошарашенная, первое, что я вспомнила тогда, это были его слова «Она слишком честная».

Три дня журналисты гонялись за непосредственным руководителем фигуранта, желая услышать его комментарий. А тот молчал. Нечего было сказать? Или не знал, что сказать? Наконец, на четвёртые сутки появился он перед прессой. То, что он сказал, шокирует и наталкивает на определённые домыслы. Вот его первые слова: «Ну, вы знаете, он уже обнаглел...» Это что, руководитель знал? Значит, можно воровать, брать взятки? Воруй, но знай меру? Не переступай ту черту, за которой начинается наглость? Никто из журналистов не задал тогда этих вопросов руководителю.

Я всегда говорю, если бы мне довелось взять интервью у того самого «героя», или ему подобных, которые покупают авторучки за миллион, я бы задала один единственный вопрос: «Скажите, сколько же вам надо, чтобы вы остановились?» Но, увы, я уже давно на заслуженном отдыхе, а молодые журналисты об этом не спрашивают почему-то.

Шла предвыборная кампания губернатора области. Попросили меня сделать рекламный фильм одному из кандидатов. Оформили заказ. Стоимость его выливалась в кругленькую сумму. 60 миллионов. Тогда всё исчислялось в миллионах. По закону о выборах, работа по изготовлению рекламы начиналась только после оплаты заказа. Но кандидат принёс гарантийное письмо, и я начала съёмки. Честно говоря, у меня и не было оснований не доверять. Кандидат был из бывших крупных руководителей области. Съёмки уже шли к концу. Оставалось записать главный кусок – интервью с кандидатом. Договорились снимать в домашней обстановке.

Звоню, чтобы предупредить, что мы выезжаем. Трубку берёт его сын. На моё сообщение на том конце провода возникает длинная пауза. С трудом заканчиваем разговор. Выезжаем, по заранее названному кандидатом адресу.

Двухкомнатная квартира, хрущёвка, правда, в центре города, очень скромная обстановка. Встречает нас сам кандидат и его мама, очень милая, приветливая женщина. Начинаем сооружать обстановку для съёмки. Обнаруживается, что у журнального столика, за который мы планируем посадить хозяина, нет одной ножки. Наивная, я искренне удивляюсь: «И это так живёт будущий губернатор?! Поистине потрясающая скромность!» Подкладываем на табурет стопку книг, подставляем под столик вместо отсутствующей ножки, снимаем. Закончили фильм, заказчик доволен, дважды показываем в эфире. Оплаты по-прежнему нет. Интересуюсь у своего руководства, когда будет оплата. Заверяют меня, что кандидат принёс ещё одно гарантийное письмо.

Ну, достаточно интриг. Выборы кандидат, слава Богу, проиграл, заказ он так и не оплатил. Но не в том дело, что вся творческая бригада отработала бесплатно. Больше всего обидело нас другое: боясь, что мы увидим и покажем избирателям его хоромы, в которых он живёт, на съёмки он нас пригласил в квартиру своей матери. А денежки на оплату заказа он планировал, в случае победы, взять из бюджета области.

Что-то аналогичное было с другим кандидатом. Делать ему рекламу он меня не просил. Но и без рекламы я его хорошо знала. Это была вполне

благополучная по тем временам семья: две машины на трёх членов семьи, трёхкомнатная квартира, дача, трое работающих, в доме достаток. Решил он стать депутатом, выдвинулся от одной из партий. Не знаю, в каком бутике подбирал он себе наряд, только на встречи с избирателями стал приходить в старенькой поношенной болоньевой куртке, на размер меньше его параметров, от чего из коротких рукавов свисали руки, как у подростка-акселерата, в вязаной шапочке, не первой свежести, ездил на общественном транспорте. А на дворе была зима.

И после одной из таких встреч он мне пожаловался на своих конкурентов по округу: «Представляете, понаехали все на «Мэрссах» и «Лексусах», вышли после встречи, хоть бы один предложил мне довезти меня до дому». Спрашиваю: «А у Вас-то что, обе машины в раз поломались?». Ничего не ответил, видимо, обиделся. В депутаты он тоже, слава Богу, не прошёл. И на второй день после выборов надел свою шикарную дублёночку, норковую шапку и поехал на своей иномарке на работу.

И ещё, не могу умолчать о Законе, об НКО - о некоммерческих общественных организациях. Суть его проста: занимаешься не коммерческой, общественной деятельностью, получаешь финансирование из-за границы, будь любезен, отчитайся перед своим государством, на какие дела идут эти средства? Никто никого не запрещает. Когда был принят этот Закон Государственной Думой, начался просто вой голосов, об отсутствии

свободы слова, о запрете благотворительности, вообще о свободе россиян. А вот я этот закон приняла с удовлетворением, осознанно. И вот почему.

Я всегда гордилась и горжусь тем, что никогда не голосовала за Ельцина. На этот счёт интуиция меня не подвела. Но и за коммунистов я никогда не голосовала. Мне нравилась одна из новых партий, возглавляли которую три интересных, на мой взгляд, очень умных, экономически подкованных человека. Я очень много делала этой партии рекламы. И вероятно, убедившись в моей симпатии и преданности, они пригласили меня в Москву, на семинар. Я взяла с собой оператора, чтобы ещё лучше разобравшись в программе партии, сделать очередную передачу.

Семинар проходил в старинном подмосковном особняке каких-то бывших князей царской России. Теперь это здание занимает деловой центр со своей гостиницей, рестораном, актовым залом, и множеством рабочих кабинетов. Съехалось человек 200, представителей этой партии со всей России. Меня поразила на этом семинаре, простите, широкомасштабная «халява». Всей этой огромной массе людей был оплачен проезд в обе стороны, проживание в гостинице в течение недели (Столько продолжался семинар.) трёхразовое питание в ресторане, плюс аренда этого шикарного особняка. Но больше всего меня просто ввело в ступор то, что на всех этажах особняка работали буфеты, в которых в промежутках между разносольными завтраками, обедами и ужинами в ресторане, можно было совершенно бесплатно взять на перекус всё сладенькое, что пожелает душа, кроме спиртного и сигарет.

Кофе, чай, соки, другие разнообразные напитки, мороженое, пирожное, конфеты. Хоть по десять раз на дню. Никто ни в чем не ограничивал.

Я задалась вопросом – откуда у столь молодой партии такие деньги? Кто же такой богатый, «бескорыстный» спонсор? Тогда, кстати, ещё не платили партиям из бюджета. Представители партии лукаво уходили от ответа. Ответ я нашла сама, случайно. Тема семинара проста как дважды два – работа партии в период предвыборной кампании. Я обратила внимание на то, что ведут семинары, ролевые игры, другие занятия люди с каким-то иностранным акцентом. Не буду описывать всех детективных подробностей, в результате которых я однозначно поняла, а позднее выяснила-американцы.

Больше я никогда не голосовала за эту партию. И не ошиблась. Позднее, двое из трёх лидеров этой партии покинули её ряды, за ними ушли и многие рядовые её члены. Так понимаю, что вовремя прозрели.

Думается мне, что напрасно как-то незаметно утратили мы процедуру выдвижения кандидатов. Худо-бедно, но обсуждали же в коллективах тех, кого выдвигали кандидатами во власть. Не всё, конечно, было идеально, и заседали в нашем парламенте люди, мало смыслящие в законотворчестве. Но всё-таки, это было то решето, которое отсортировывало людей не достойных. Появившееся в законодательстве понятие «самовыдвиженец» порой доводит ситуацию до абсурда, когда члены территориальных избирательных комиссий месяцами ходят по судам, стараясь из деликатности не называть

вещи своими именами, вместе с судьями пытаются объяснить истцу очевидное.

Как тут не вспомнить опять мою маму. У неё в нашей деревне, как сейчас говорят, «была кликуха» - прокурор. Женщина она была довольно смелая, прямолинейная, говорила то, что думала. Она часто произносила одну поговорку –«Дураков не сеют, не пашут, они сами рождаются». Дураков, не в буквальном смысле. Так она определяла людей не честных, хитрых, подлых, в общем, как говорил герой известного фильма, «редисок».

А поскольку нас лишили этой самой процедуры выдвижения, то остаётся нам только думать, не быть аполитичными и равнодушными. Понять, наконец, и поверить в то, что от нашего голоса всё-таки что-то зависит. И, может быть, тогда поменьше будет в нашей власти отщепенцев и лизоблюдов, взяточников и прохвостов, карьеристов и людей без чести и совести, легко продающихся и предающих свою Родину. Дабы не появилась в истории нашей страны новая демографическая яма, чтобы дети наши и внуки никогда не испытали того, что выпало на долю моего поколения!

ПЕЛАГЕЕ.

Пелагея в лес пошла, кузовок с собой взяла,

Чтоб набрать малинки, ягодки-рябинки.

Только вышла на опушку, повстречала там кукушку.

Заглянула на полянку, ей навстречу серый заяц.

Среди множества дорожек шелестит по травке ёжик.

Глянула по сторонам, справа, слева, тут и там

То лисичка, то лягушка, то какая-то зверюшка.

К Пелагее все бегут и грибочки ей несут.

Даже волк принёс грибок Пелагее в кузовок.

Кузовок стал так тяжёл. Но тут Миша подошёл:

«Ты не бойся, Пелагея, дай мне кузовок скорее.

Я его не растрясусь, тебе к дому донесу»

ПРО КОРОЛЕВУ ВАРВАРУ.

Дело было в царстве, славном государстве.

Там принцесса родилась, и Варварою звалась.

Время шло, она играла, вот совсем уж взрослой стала.

И родители её любовались на неё.

Красоты была отменной, нравом ласковым и нежным.

И однажды, как-то раз отдала она приказ:

«Чтобы все её подруги, все соседи, даже слуги

Во дворец пришли скорей. Будет праздник для друзей».

Принцы стали торопиться. На Варваре чтоб жениться,

Поспешили, кто быстрее, встали в очереди к ней.

Всех Варвара угощала и со всеми танцевала,

Но среди её гостей оказался вдруг злодей.

Принцев быстро растолкал, пригрозил им и сказал:

«Никого вас не боюсь, на Варваре я женюсь!»

Все злодея испугались, по углам поразбежались.

Все трясутся и молчат, никто празднику не рад.

Варя горестно рыдает, как спастись, она не знает.

Не по нраву ей жених. Но вдруг разом зал притих.

В тишине злодей смутился, вокруг себя оборотился,

Взял его такой испуг. Королевич вышел в круг.

Платье золотом играет, сабля блещет и сверкает.

Сам красив и статен он, сделал Варе он поклон.

И сказал: «Душа моя, рад жениться буду я,

Если я тебе по нраву. А злодею я по праву

Саблей голову срублю, или в море утоплю!»

Весь затрясся враг от страху и такого выдал маху,

Испугался так злодей, что умчался поскорей.

А принцесса-то влюбилась, замуж тут же согласилась,

Беды все свои забыв. Больно уж жених красив.

Королевич величаво, нашу Варю, словно паву

Нежно за руку берёт и к родителям ведёт.

Те встречают их как надо, за сыночка очень рады.

Им невеста по душе, надо б свадебку уже.

Снова музыка играет. Свадьбу Варину справляют.

Снова слышен звонкий смех. Лица счастливы у всех.

Так вот стала наша дева, как хотела – королевой.

На главе её венец, вот и сказочке конец.